

СИИ

Составители

Сергей

Шаргунов

и

Роман

Сенчин

Алена Бабенко

Татьяна Лазарева

Иван Вырыпаев

Михаил Тарковский

Евгений Попов

Василий Авченко

Андрей Рубанов

Андрей Филимонов

Ярослава Пулинович

СЧАСТЬЕ

СИИ

ЗА ГОРАМИ

РЪ

Неизвестные

истории

неизвестной

земли

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Русский рассказ

Олег Ермаков

Сибирь: счастье за горами

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ермаков О. Н.

Сибирь: счастье за горами / О. Н. Ермаков — «Издательство АСТ», 2022 — (Русский рассказ)

ISBN 978-5-17-134774-1

Сибирь – планета на планете. У нее своя гравитация, свои законы и свой президент по имени Природа. В этой книге собраны голоса писателей и не только писателей – тех, кто родился, вырос на этой уникальной земле или шагнул к ее тайнам. Здесь открывается Сибирь – живая, дышащая, страшная, странная, огромная и все еще незнакомая. «Люди Сибири – упрямые люди. Просторные. У каждого Сибирь своя. Эта книга возможна во множестве томов» (Сергей Шаргунов).

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134774-1

© Ермаков О. Н., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Гравитация Сибири	6
I	8
Алена Бабенко[1]	8
Татьяна Лазарева[2]	12
Иван Вырыпаев[3]	14
Андрей Филимонов[4]	19
Ярослава Пулинович[5]	22
Роман Сенчин[6]	31
II	43
Наталия Клевалина[7]	43
День первый	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Олег Ермаков, Иван Александрович
Вырыпаев, Андрей Рубанов, Сергей
Шаргунов, Евгений Попов, Роман Сенчин,
Алена Бабенко, Наталия Клевалина,
Ирина Богатырева, Василина Орлова,
Василий Авченко, Илья Кочергин,
Андрей Филимонов, Татьяна Лазарева,
Андрей Антипин, Михаил Тарковский,
Дмитрий Захаров, Ярослава Пулинович**
Сибирь: счастье за горами
Неизвестные истории неизвестной земли

* * *

© Вырыпаев И. А., Рубанов А. В., Тарковский М. А. и др.
© Сенчин Р. В., составление
© Шаргунов С. А., предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

Гравитация Сибири

Она очень разная, Сибирь, и книга составлена из очень разного.

Но даже столь пестрый сборник не может передать огромность и многообразие той, кому посвящены эти тексты.

Сибирь – вольное и мощное торжество природы, и прежде всего через соперничество или слияние с природой проявляется история отношений людей и Сибири. Сражение с пространством и желание затеряться, раствориться, уберечь красоту.

Могущественная природа и вдохновляет, и оглушает, дает силу и смиряет масштабом.

Казачьи походы, возведение городов-крепостей, покорение и просвещение, грандиозные стройки гидроэлектростанций и заводов, борьба писателей-деревенщиков против поворота северных рек и осквернения Байкала...

Всё – единый поток судьбы.

Свобода и каторга: сюда бежали и сюда отправляли насильственно.

Писатель Михаил Тарковский, один из авторов книги, бросил столичную рафинированную среду и устремился в тайгу, к Енисею. В этом поступке, как и в его литературе, – твердая воля и тихое благоговение. Другой автор, тоже москвич, Илья Кочергин отправился на Алтай, где встретил будущую жену. Теперь он пленник природы, чуткий ее выразитель, а в глазах этой пары скользит что-то таинственное, оленье.

Есть нечто, соединяющее рассказы, воспоминания, размышления... Тот надтекст, который важнее возрастов, позиций, простоты или изящества стиля. Надтекст Сибири влияет на персонажей и повествователей книги. И конечно, на всякого, кто вырос на трудной сибирской земле. Люди Сибири – упрямые люди. Просторные – в словах, деяниях, чувствах...

В Сибири живут мои родные, и давние друзья, и те, с кем довелось познакомиться в странствиях.

Новосибирский Академгородок: среди лесов подвизаются ученые мирового уровня. Вспоминаю, как бредем с математиком и химиком, оживленно обсуждая современную литературу, по «муравьиному лесу», где и впрямь на каждом шагу – здоровенные кипящие муравейники.

Вспоминаю тувинские степи с рыжими табунами жеребцов. Мы приехали сюда с уроженцем Кызыла, тоже автором этой книги, Романом Сенчиным по Усинскому тракту через горы Саяны. Маленькое и стойкое село, основанное староверами. В 1919 году, словно в летописной древности, случился монгольский набег: жгли дома, тащили в полон, рубили головы, кто-то успел бежать в лес, чтобы, вернувшись, строить заново.

Вспоминаю купеческий и промышленный Иркутск Валентина Распутина и Александра Вампилова, разделенный реками на четыре части.

Светло-зеленый деревянный дом Виктора Астафьева в красноярской Овсянке на речном берегу.

Омская желтоватая обшарпанная пятиэтажка, в которой жил Егор Летов, будто наполненная космическим рокотом его голоса и музыки.

Вспоминаю чистейший морозный воздух алтайских Сросток: село чудиков, влюбленных в чудо. Молодой голос поющей старухи по имени Зоя, учившейся в одном классе с Василием Шукшиным:

Пришла весна, мы встретились с тобою,
Ты молод был, а я еще дитя,
Ты молод был, а я красой сияла,
Я думала, что вечно будешь мой...

И там же на Алтае – село Полковниково, где вырос космонавт Герман Титов: местные ребята мечтают о космосе, конструируют и запускают в огромное небо самодельные ракеты.

Интересно, что статный богатырь-фронтовик Алексей Скурлатов, который стал прототипом знаменитого памятника Алеше в Болгарии, жил с Титовым по соседству в селе Налобиха и однажды, еще до войны, вспахивая пашню, чуть не загубил маленького Германа трактором, привалив землей. Казалось бы, сибирская глухомань: мужик-тракторист и бегущий по полю азартный мальчишка. А уже скоро оба останутся в мировой истории: один – став легендарным солдатом, другой – прорвавшись к звездам.

Все это невыдуманное и драгоценное, то, что живет со мной, неотделимо от блеска и тумана рек и озер, стен тайги и снега, гор и степей.

У каждого Сибирь своя.

Но, не спрашивая дозволения, она все же собирает в свою тайную книгу всех, кто не только связан с нею кровно, но и хоть раз о ней заикнется.

Гравитация Сибири.

Эта книга возможна во множестве томов.

Голоса, носимые ветром по бесконечному простору.

Сергей Шаргунов

I

Вспоминая

Алена Бабенко¹ Мое сибирское кино

Первая картинка, которая возникает перед глазами, – весна, когда снег растаял и вылился лужами-морями на дороги. Я иду в школу в резиновых сапогах по колесо, кажется в синих. По пути – двор с огромной лужей еще со льдинками. Плот – это кусок отвалившегося забора. Откуда он там взялся, неизвестно. Известно только, что, когда начинали таять сугробы, чего только не найдешь посеянного в снег жителями города: бумажки, сигаретки, пакеты, тряпки, всякие части одежды, бутылки, и даже как-то мной было найдено колечко – металлическое, с голубым камешком!

Палка для переправы – ветка дерева или палка, найденная в ближайших гаражах. Так и приходишь в школу в мокрых колготках, переобуваешься. Подумаешь! За урок высохнут – температура тела же как на солнце, тридцать шесть и шесть. В школе, помню, любила математику, физику, химлабораторию, биологию с микроскопом, перемены, физру и труд. Ну потому, что на физре весело, беззаботно, сплошные игры. Одно неприятно – все девочки в черных трусах и белых майках. Но после построения об этом забыто! Настоящий кайф – физра на стадионе за школой. Там штаны! А еще круче, когда эстафета в горсаду или – на 1 мая – по всем центральным улицам! Меня Владимир Иванович ставил на последний забег, когда ты под бурные зрительские «давай, давай!» напрягаешь все силы и последнюю стометровку чешешь как пуля по Площади Советов. А там же Ленин стоит с указующим перстом и все видит! Нельзя опозориться!

А зима – вторая картинка. Белое яркое солнце и голубые разноцветные и блестящие сугробы. Голубого больше, наверное потому, что в них отражается небо. (Вот такая сейчас, когда я это пишу, в Москве! Почти сибирская – долгая, устойчиво холодная, со сверкающим снегом.) И стандартный набор счастья: горки, горы с лыжами, каток, ледяные крыши гаражей, ледяные пещеры. Нигде никогда в жизни до сего дня я не помню такого наслаждения от процесса еды, как в детстве в Сибири зимой! Горячий беляш (ну это когда тесто обнимает котлету), купленный в ларьке, и горячий чай с сахаром – объеденье!!!

Вообще сейчас, когда я пишу о Сибири, на меня летят картинки, как снег, – их много, и они приземляются, как когда-то в детстве снежинки на варежки. Мы их ловили и старались успеть рассмотреть узоры, но они очень быстро таяли... Вот еще одна снежинка-картинка – вырезание снежинок из фольги и бумаги. Они огромные по сравнению с настоящими, но главное, ты их сама сочиняешь, правил нет! Можно круглую, квадратную, треугольную. Мне нравилось мельчить. Например, половину тетрадного листа в клеточку сложить четырежды и маникюрными ножницами проделать как можно больше дырочек, развернуть и наклеить на окно, в которое бьет солнце, и самой балдеть от того, что я натворила.

Следующий кадр – елка из соснового бора до потолка. Праздничный стол, семья и друзья семьи. Хохот, рюмка – бздынь! – оливье, и я в соседней комнате заправляю в носки пух.

---

¹ Алена Бабенко (род. в 1972 г. в Кемерове) – российская актриса кино, театра и телевидения, кинопродюсер. Снималась во многих фильмах и сериалах, среди которых «Водитель для Веры», «На Верхней Масловке», «Андерсен. Жизнь без любви», «О чем еще говорят мужчины», «Вертинский». Актриса московского театра «Современник» (сыграла в спектаклях «Три сестры», «Время женщин», «Пигмалион» и др.).

Это я номер придумала – смерть Лебеда из «Лебединого озера». Номер не совсем удастся, но мне хлопают, и родители, слегка подшофе, разрешают лишний кусок наполеона и не спать всю ночь! За поглощением сладкого следили строго, а наши семейные торты, наполеон и муравейник, готовились обычно только по праздникам.

Весенняя улица – следующий кадр из моего сибирского кино, наверное, потому, что за зимой весна. Но я вспоминаю лето. Ливень! И по любимому бульвару – «а вода по асфальту реко-о-о-ой...» Я мчусь и шлепаю босыми ногами по лужам, не думая о битом стекле или мелких камушках, мокрая насквозь и одна! Ну потому, что все попрятались под козырьками, и я не понимаю, почему же так весело! А в лужах-морях червяки, я их боюсь и думаю: «Жалко, папы нет со мной, они бы емугодились для рыбалки».

Весенняя улица заканчивалась памятником героям-кузбассовцам и набережной. У памятника всегда солдатики и вечный огонь, а набережная – боже!!! Всего не рассказать про это мое любимое место в городе. Зима – «извоз», весна – романтика и зарница, лето – велики и пляж, осень – сбор ранеток с папой и еще кафе-мороженое «Уголок», где мы с одноклассницей Леной Могутовой съедали по пятьсот грамм мороженого на спор, не жалея последние гроши.

Сбор ранеток – это было таинство. Проливной осенний дождь, холодно. У папы с собой кожаный портфель и я. Мы оба в дождевиках с капюшоном. На набережной никого, и это главное условие нашей тайной операции. Папа лезет на дерево, я внизу на атасе с раскрытым портфелем, ловлю. Непойманные собираем с земли. Дома втроем на кухне – мама, папа, я – отрезаем черенки, и мама варит варенье в большом сотейнике, мне доверено снимать пенку, и она сейчас вкуснее, чем потом варенье.

«Извоз» – зима – Жанка. Была такая баба. Она была старше всего-то на пару-тройку лет, но угроза всей округе, таких называли «бабами».

Она защищала Светку, с которой она жила в одном дворе. Однажды Света на меня нажаловалась, не помню за что, и Жанка меня поймала. А «извоз» – это конец набережной в виде длиннющей горы, на которой по вечерам мы катались на санках. А внизу сугробы, гаражи и темнотища выколи глаз. И вот я съезжаю и слышу: «Эй, ты, Баранова, ну-ка иди сюда!» С трясушимися поджилками подхожу. «Ну чё, самая деловая?» В темноте сверкает сигаретка. Жанка – большая, расхристанная, в расстегнутой дубленке, без шапки. «Еще раз будешь выступать – урюю», – и толкает меня в снег. Страшно было так, что больше я на «извозе» не появлялась, а Света стала навсегда враг.

Помойка – это всегда лето! И тоже место тайное. В детской плетеной корзинке – несколько стыренных из дома картофелин, прикрытые куклой и тряпьем. Кто-то принес из дома спички. Собираем сухие ветки, щепки, выброшенные газеты и разводим костер! Вокруг высокая конопля, которая закрывает нашу дворовую банду от посторонних глаз, но кто-нибудь всегда на атасе. Печем картошку. Кто-то сказал, что с кожурой полезнее. Щепкой соскрябываешь угольки – м-м-м! Оказывается, так даже вкуснее. Перепачканная, пахнущая костром, возвращаюсь домой, всякий раз думая: «Щас мне влетит», но всякий раз слышу: «Иди мой руки!» – чего я терпеть не могла, ну потому что во дворе все чистое – и песок, и турник, и лавочки, и картошка!

А еще сосновый бор на правом берегу. Там и зима, и лето. Зима – в воскресенье как штык подъем в восемь утра и с папой на лыжах. Едем на автобусе до остановки «Сосновый бор». Лыжи мажутся специальной мазью в зависимости от погоды и плотности снега. Накатываю километры до соплей. Самое классное, когда папа едет впереди, останавливается, ждет меня и, когда я подъезжаю, палкой ударяет в ствол сосны – снег с веток обрушивается на меня, и я визжу от радости. Гоняем с большой горы, а вверх елочкой, раскорячив лыжи. И так сто раз подряд. С собой термос и бутерброды, перекусываем на каких-то пеньках. Дома обледеневшие и промокшие рейтузы сушатся на батарее. И мамин борщ!!! А вечером телик с фигурным катанием. Что еще нужно для счастья!

Летом на машине друзей семьи катим за город на пикник. По дороге распеваем песни. Меня просят: «Леночка, спой „Крылатые качели“» – и я отрываюсь во все воронье горло! Нет, пела я хорошо: семь классов музыкальной школы, первое сопрано и солистка хора – не хухры-мухры! На берегу Томи в Журавлях – так называлась деревня, где мы парковались, – раскидывалась скатерть-самобранка: жареная курица, яйца, хлеб-соль, вареная колбаса и картошка, зеленый лук, огурчики, помидорчики, что-то еще и термос с горячим чаем или, если мама сварила, компот. Из сладостей леденцы, печенки и вафли.

И летом еще остров! Не таинственный, а пляжный, на который с пацанами по качающемуся понтонному мосту с подстилкой и купальником в руках. Течение быстрое, я плавать тогда не очень умела – только по-собачьи, немного брасом и на спине. Липнут комары-мошки, но все это не важно, у нас есть надувной матрас и цель – переплыть на дальний маленький остров. Недалеко, но страшно, одна была надежда – на парней, они хорошо плавают, спасут!

А сибирская культурная программа? Почти ничего не помню, кроме цирка на Ленинском проспекте, в котором клоуны и воздушные акробаты, и драмтеатра – он тогда в мои интересы не входил, так как у меня в школе был такой загруз (в том числе и творческий), не до него. Помню, что очень нравилось здание театра и фонтан, в который мы кидали монетки, около которого назначали свидания и встречи с Оксанкой, одноклассницей. Мы жили по разным сторонам от школы и специально выходили пораньше, чтобы у фонтана встретиться и идти вместе на учебу, а после школы – в булочную напротив фонтана, чтобы купить по сто грамм мятного драже. Набивали карманы одинаковых плащей (у нее коричневый, а у меня красный), и, пока все не съедалось во время прогулки, мы не расходились.

Отдельный кадр – стадион «Химик». Он напротив моего дома на Ноградской. Зимой это вечерние катания на коньках, градусы не имели значения: минус десять или минус двадцать – неважно, теплая раздевалка есть – да и ладно. Это там я выучила несколько элементов фигурного катания, которые мне потом пригодились на «Ледниковом периоде».

Однажды летом, в августе, на День шахтера приехали артисты, и мы с двоюродной сестрой Викой, которая жила в соседнем подъезде, с балкона четвертого этажа (VIP-места!) в бинокли смотрели концерт на стадионе. Бесплатно! Киркоров, Пугачева и много других, но главный – Хазанов! Я переписала в тетрадь его юмореску и за три дня выучила. Потом в компании друзей я, ясен пень, была звезда! Долго тетрадку хранила, а потом потеряла.

Краеведческий музей – самое темное воспоминание. Обязательное посещение всем классом. Бедная экскурсовод. Ее никто не слушал. «Баранова!» Слышала я свою фамилию каждые пять минут от рассвирепевшей классной руководительницы. Дико скучно было слушать про картины, на которых поля, леса, цветы тусклые какие-то. На природе все гораздо ярче и красивее. Через много лет, когда в очередной раз приехала к родителям в гости, я пошла в обновленное пространство музея, и – о, восторг!!! Светло, чисто, современно, интерактивно, и собрано все, из чего состоит мой родной край: оказалось, и динозавры здесь водились, и какие-то диковинные животные, птицы, насекомые, рыбы, несметное разнообразие бабочек и гора самоцветов, о которой я и понятия не имела! А главная гордость – мой двоюродный брат Алексей Баранов, старший научный сотрудник, который сам ходил в экспедиции и добывал экспонаты для музея. Мне не хотелось оттуда выходить!

И снова кадры всплывают в памяти... Стоп!

Моя Сибирь – это моя музыка. Этот кадр возник только что, потому что я вспомнила музыкальную школу, в которую я не хотела ходить. Придумывала разные причины, чтобы прогулять, ленилась учить гаммы, поэтому делила первое и второе место на конкурсах с девочкой, которая была усидчивой и трудолюбивой. А у меня ошибки, но зато чувства! Они несут меня до сих пор, когда, например, я встречаю незнакомого человека, а он говорит: «Я из Сибири». И всё! Я его чувствую, как свою родную душу, и расстояние сокращается. Или когда смотрю фильм, снятый в Сибири или о Сибири, и не важно, хороший он или не очень. Снега, при-

рода... и все! Чувства заливают сердце радостью и слезами. Я ее чувствую! В этом нет материи или рациональности. Фредерик Шопен говорил: «Музыка не имеет отечества, отечество ее – вся вселенная». Моя музыка-Сибирь – моя вселенная.

Татьяна Лазарева²

Снег

Когда я по каким-то делам возвращаюсь туда, откуда в свое время, не оглядываясь, убежала, – в Сибирь, а точнее в новосибирский Академгородок, – я не ощущаю желаний вернуться и там снова жить. Это прошедшее время, прочитанная глава. И все же я постоянно туда возвращаюсь – в свое детство, в эту волшебную ностальгию по беззаботности, восторгу и любви, любви, любви. Как много ее там было и как много еще нужно.

Зима. Санки. Ты лежишь на спине. Темно – утро или вечер? Над головой звезды, они не двигаются, но двигаешься ты. Тебя везут. Кто-то, кому ты полностью доверяешь и подвластна, кто закутал тебя во множество разных теплых слоев: на колготки толстые штаны с начесом, шерстяные носки, сверху валенки, обязательно майка под теплой колючей кофтой и тонкий хлопчатый платок под теплой меховой шапкой. Поверх воротника – шарф до самого носа, иногда и с носом, шарф тоже колется, поэтому между шарфом и лицом кто-то добрый иногда кладет носовой платочек, и он всегда мокрый от твоего теплого дыхания. И конечно, толстая цигейковая, неповоротливая царица-шуба. И ты в ней уже не человек, потому что ты толком в ней и пошевелиться не можешь, ты кокон, зародыш, ты беспомощный кусок чего-то очень важного, что везут бережно и аккуратно куда-то, где так же бережно и аккуратно развернут, разденут и вся твоя важность и неподвижность превратится в веселье, беготню и игры, а позже – в тайное сидение под столом, где тебя никто не видит, зато ты все слышишь. Ты слышишь спокойную и долгожданную радость встречи и как постепенно все веселее становится разговор, ты тоже подхватываешь эти всплески смеха, хотя не понимаешь, о чем они. А потом начинаются песни. Их поют красиво и громко, им тесно за столом и в квартире, они выливаются прямо за окно через приоткрытую форточку, на мороз, под звезды, и там, разгоряченные, затихают и ложатся на снег мягко и плавно, превращая вечер в глубокую тихую ночь.

А наутро нет никакой тьмы, а наоборот – яркое-преяркое солнце, и белый-белый снег, и синее небо, и огромные спокойные деревья. Громко поют птицы, перелетая с ветки на ветку и заглядывая в обязательные кормушки на деревьях и на окнах, – ведь все знают, что птиц зимой надо подкармливать. И опять санки, только уже быстрые, и ты уже подвижнее и можешь бегать, ты тянешь их за веревку в горку, а с горы тебя толкают те, кому ты доверяешь, и вам всем ужасно весело, и даже когда тебя толкают слишком сильно и ты летишь слишком быстро и тормозишь уже по пояс в пушистом снегу, то все равно слышишь их смех и замираешь на эти волшебные длинные секунды одиночества – а вдруг не прибегут, вдруг не вытащат, забудут? Но это всего лишь недолгая пугающая игра твоего воображения, и ты это знаешь и предвкушаешь, как сейчас тебя схватят, потянут, вытащат, отряхнут и снова запустят, и так пока не надоест.

А потом этот длинный день снова превращается в такой же длинный вечер, когда идти уже некуда и не с кем, да и сил никаких нет, и усталость крадется и обнимает тебя теплым пледом, и ты качаешься с горки на горку, и горка все длиннее, а снег все пушистее, и ты засыпаешь – незаметно, глубоко и крепко, так крепко, что даже не чувствуешь, как тебя берут, аккуратно переносят и снова кладут, укрывают, подоткнув одеяло со всех сторон, гасят свет, закрывают дверь и уходят.

И так продолжается долго, зима за зимой, яркий день сменяется темной ночью, все короче недели и быстрее годы, и твои сильные взрослые становятся все слабее и незаметнее, и вдруг ты останавливаешься и замираешь посреди глубочайшей тишины и наконец-то ее слы-

---

² Татьяна Лазарева (род. в 1966 г. в Новосибирске) – теле- и радиоведущая, актриса, певица, общественный деятель. Участница КВН, программы «О.С.П.-студия», сериала «33 квадратных метра». Попечитель благотворительного фонда «Созидание». Автор книги «Мир с первого взгляда» (2012).

шишь, потому что это самая истинная тишина – когда снежинки медленно текут сверху вниз, равнодушно погребая все, что им попадается на пути, обволакивая весь мир и лишая его способности звучать и двигаться. И ты замираешь в этой абсолютной тишине. А вместо уверенных рук и веселого подбадривания рядом с тобой кто-то такой же ослепленный и оглушенный, и тебе немного страшно. Но вот его тепло начинает растапливать твой страх и снежинки на твоих губах и запястьях, и ты не можешь ему не поверить в такой момент бесконечной истины. Ты веришь, предавая белый свет и синий цвет, яркость и любовь тех, кто в эти секунды невидимо тает вместе со снегом – там, внизу, под ногами, превращаясь в тонкие ручейки, впадающие в бесконечную реку вечной любви.

Иван Вырыпаев³ Сибирь. Другие миры

Я родился в Сибири. В Иркутске. В 1974 году. У родителей была дача. В тайге. Правда, рядом с шоссе. Но вокруг была тайга. Однажды к нашему забору пришел медведь. Мой отец взял ружье и стал стрелять в воздух. Я видел убегающего медведя. Он исчез в лесу. А однажды, когда мы с мамой шли по лесной дороге с корзинками, полными ягод, нам навстречу вышли два волка. Мы смотрели на них, а они на нас. Мама прошептала: «Не двигайся, сынок» – мы стояли неподвижно. Волки смотрели на нас, а потом развернулись и ушли.

В моей школе было два параллельных класса, «А» и «Б». В каждом классе примерно по 25 учеников. Но потом, после 8-го класса, большинство подростков уходило в техникумы или ПТУ, и тогда два класса объединяли в один. «А» и «Б» соединяли в «А». Я закончил десять (а точнее, одиннадцать – эта реформа случилась при переходе из 8-го сразу в 10-й, то есть я никогда не учился в 9-м классе). Из обоих классов в итоге 19 человек погибли от наркотиков, от криминала или в тюрьме. 19 из 50! Такая статистика. Однажды... Мы с мамой продавали ягоду у дороги. Стояли у дороги с тремя ведрами ягод, которые моя мама набрала в лесу, и смотрели на проезжающие мимо машины. Три ведра ягоды можно было продать за три-четыре часа. Какие это были деньги, я не помню. Но мама торговала ягодами не ради развлечения. Мы тогда жили вдвоем, мои родители развелись. И за лето на продаже ягод мы могли заработать какие-то деньги. И вот однажды, году в 82-м, возле нас остановилась машина, из нее вышли трое, но один из них был... Вот сейчас я прошу прощения и надеюсь на понимание, но я не могу не использовать этого отвратительного слова, потому что в моем детстве это слово было литературным, – «негр». И один из этих трех был негр. Так я первый раз в жизни увидел чернокожего человека. У нас таких людей вообще не было. Мы знали о таких людях только из стихотворения Самуила Маршак «Мистер Твистер». Чернокожий человек вместе с другими подошел к нашим ведрам, а моя мама громко, вслух, просто не выдержав от неожиданности, почти вскрикнула: «Смотри, Ванечка, негр!» Я не помню, какая была реакция тех двух белых, и я, честно говоря, вообще их не помню. Я помню только его. Невероятного, черного, белозубого человека. Он был другой. Не такой, как мы все. Мы не были расистами, мы и не могли ими быть. Нас воспитывал дедушка Маршак, он рассказывал нам о том, какие ужасные расисты живут в США (словно был из движения *Black Lives Matter*), особенно эти проклятые, сытые миллионеры вроде мистера Твистера. Кстати, когда я уже жил в «другой жизни» и ставил спектакль в Нью-Йорке, то художник по свету, с которым мы работали, коренной житель Нью-Йорка, с раздражением рассказывал мне о миллионерах, поддерживающих Дональда Трампа, которые в душе почти все расисты. «Меня не удивит, – подумал я, – я знал об этом еще в детстве». Спасибо, дедушка Маршак, за то, что воспитал нас интернационалистами, но тогда... В тот момент мы с мамой просто замерли от такой возможности. От свалившейся на наши головы, на наши судьбы, на наши жизненные пути невероятной возможности видеть это прямо перед собой. Видеть героя книг Марка Твена прямо перед собой. И не просто видеть... Он ведь купил у нас ведро ягод. Ягода называлась (ну, пожалуйста, поверьте, что я не преувеличиваю) черника. Заплатил за все белый. Между собой они говорили на незнакомом языке, позже мама объяснила, что это был английский. Чернокожий попробовал ягоду. Он насыпал ее в... белую

---

³ Иван Вырыпаев (род. в 1974 г. в Иркутске) – драматург, режиссер, актер. С 2013 по 2016 год руководил московским театром «Практика». Автор сценария и режиссер-постановщик фильмов «Спасение», «Танец Дели», «Эйфория», «Кислород». Ставил спектакли в Иркутске, Москве, Варшаве. Автор пьес «Сны», «Летние осы кусают нас даже в ноябре», «UFO», «Волнение» и многих других. Совладелец и генеральный продюсер частной театральной компании «WEDA PROJECT» в Варшаве.

ладонь. Да! Его ладонь была – белой. Я не знал об этом. Не знал, что у чернокожих белые ладони. Об этом дедушка Маршак не сказал ни слова. Потом они сели в машину и уехали. С нашей ягодой. Черника! Мы были в шоке. Мы стояли и молча смотрели им вслед. «Негр, мама?» – еще зачем-то переспросил я, словно во сне. «Негр, сыночек, негр», – ответила мама, и счастье засияло в глазах.

Однажды... Ну, мы были в Нью-Йорке, и была вечеринка. И там был мой приятель, актер, он играл в моей пьесе, в спектакле, поставленном на Манхэттене одним моим другом. Этот великолепный актер был чернокожим. И с прекрасным чувством юмора. А поскольку мы уже хорошенько выпили, то я подсел к нему, обнял и рассказал всю эту историю... Я попросил у него прощения – и вы не поверите, но он позволил мне использовать это мерзкое словечко *Nigger*. Просто потому, что я не могу обойтись без него в рассказе об этом случае. Ведь мама громко крикнула: «Смотри, Ванечка, негр». И я объяснил моему чернокожему приятелю, что это словечко у нас являлось литературным. Конечно, невозможно использовать это слово, когда знаешь весь контекст. Ведь оно и правда отвратительное. Но тогда... в детстве... И случилось вот что: выслушав мой рассказ, этот актер обнял меня и произнес магическую фразу, которая и стала названием этого эссе, того, что вы в данный момент читаете. Он вдруг сказал: *Siberia, brother. Others Worlds.* («Сибирь, брат. Другие миры».) Кстати, примерно в 2005-м, когда началось повальное увлечение перуанским шаманизмом и питием айяваски, вышел документальный фильм режиссера Яна Кунена «Другие миры». Многие пришли к айяваске, посмотрев его, но меня он тогда, наоборот, отпугнул, и я вошел в это через другие двери, но словосочетание «другие миры» было мне до боли знакомо. Потому что в этих мирах я родился и вырос. И эти миры все еще существуют, в них все еще рождаются и живут люди. Мой папа, которому уже за 70, будучи человеком добрым и всегда готовым протянуть руку помощи, до сих пор использует слово «негр», а гомосексуалистов называет не иначе как «мерзкие пидорасы», потому что он все так же живет в этих «других мирах», там же, где и большая часть нашей России. Но дело не в том... Ведь мы не были расистами, а наоборот, мы и понятия не имели, что такое расизм по отношению к афроамериканцам. Мы воспитаны с легким презрением к нашим «младшим братьям» азиатам и с легкой насмешкой над «чукчами», но дело тоже не в этом...

Девятнадцать человек из моего класса трагически погибли в 90-х – в основном от героина. Самое страшное, что я помню эту «магическую дыру». Кирпичная стена на каком-то заброшенном заводе или фабрике в Иркутске. 93 год. Те, кто умирает от того, что на сегодня нет дозы. Те, кто без дозы не может прожить одного дня (а это мои близкие друзья, одноклассники), и те, у кого нет денег, чтобы купить эту дозу у цыган, которых крышуют менты. Однако немножечко денег все-таки есть (совсем мало), денег, которых не хватит на дозу, чтобы купить ее у «цыган» (тут уже получается поэтический ритм, но для меня эта жизнь и является поэзией о других мирах), ну так вот, у кого не хватает денег на целую дозу, тот (следите за описанием процесса) приезжает на этот заброшенный в жопу завод, подходит к стене, в которой вынута несколько кирпичей и сияет небольшая дыра. Магическая дыра! Просто черная (я ее называю магической, потому что там явно магия) дыра в стене. Просовывает в эту дыру свои небольшие деньги, и кто-то там, невидимый в этой черной дыре, берет эти деньги. Потом... Потом пришедший к дыре засучивает рукав своей рубашки, оголяя вены на сгибе локтя, просовывает руку в дыру, и кто-то... Кто-то невидимый колет его – какой-то иглой, из какого-то шприца, чем-то, и, конечно, это «бодяга», которая на какое-то время заставит тебя, покрываясь потом, лететь через пот, там, где свет, через свет, там, где тьма, через тьму, там, где могли бы сбываться ваши мечты, но там больше нет ничего, что могло бы стать опорой, на которую вы смогли бы поставить свои ноги так, чтобы устоять на ногах стабильности дней, потому что никаких дней больше нет, есть только «другие миры». И сейчас для тебя открывают двери в многоярусный ад, в котором есть только слухи, только сплетни о том, что где-то там существуют «чернокожие

люди, здорово поющие джаз», бейсбол, «Мальборо», Рэмбо-Сталлоне, «Битлз» и *Adidas*, но тут их присутствия нет, есть только слухи о них, а пока что мы падаем вниз в «другие миры». Но неважно. Человек просовывает руку в дыру, и его неизвестно кто колет там грязной иглой... Это все правда. Не вымысел. Сразу скажу, я сам не прошел через это. Я только был рядом. Я видел, как через это проходили одноклассники. Мой близкий друг умер от СПИДа, которым он заразился там, в черной магической дыре. Девятнадцать человек уже нет. Я не попробовал героин. Я к тому времени учился в театральном училище, и там наркотики не были в ходу, там нашим главным учителем был господин Алкоголь. Но неважно... Другие миры. Сибирь.

Мы делали театр в Иркутске. Сибирь, 98-й. Госорганам культуры мы были тогда не нужны. Лето я проводил на Байкале. Варили и пили траву. Играли рок-музыку. Я устроился на подработку на телевидение. И меня отправили делать репортаж о шаманах. Пристроился к одному шаману и провел с ним неделю. Ездил вместе с ним по улусам (село у бурятов называется улус), снимал на камеру, как он камлал, пил с ним водку. Частью шаманского молебна у бурятов является «бурхание». Поклонение богу Бурхану. Опускаешь средний палец в стакан с водкой и брызгаешь водкой по сторонам (воде, небу, земле, еде и т. д.). Потом выпиваешь все, что в стакане. Это часть ритуала. Целую неделю ездил за шаманом и «бурханил». И тогда я узнал много нового.

Шаман рассказал мне, что ребенок, родившийся в семье шамана, если его отец, и дед, и предки были шаманами, обязательно (просто нет выбора) должен быть шаманом. Когда ребенку исполняется тринадцать-четырнадцать лет, на него вдруг нападает странная болезнь. Припадки агрессии, гнева, психические расстройства (это не вымысел, это происходит с каждым ребенком 12–13–14 лет в шаманской семье), и такой ребенок, как правило, убегает из дома. Его отлавливают, и шаманы начинают посвящать его для шаманского пути. Ему поют, ему стучат в бубен. Его лечивают, и теперь он поставлен на путь, он должен быть шаманом. Если же этого с ним не сделать, то, скорее всего, этот ребенок сойдет с ума. После войны шаманизм был запрещен, шаманов преследовали органы НКВД, потом КГБ (теперь ФСБ). Тогда двенадцатилетний ребенок в семье шаманов, когда приходило его время и он впадал в состояние «шаманской болезни» (это называется «шаманская болезнь»), оставался без помощи шаманов, без ритуала. Это было запрещено. Шаманы вырождались. Мало кто уже знал этот ритуал, поэтому многие дети сходили с ума. В 1974 году в маленьком поселке жил такой полужаман. Ему было сорок пять лет. Он родился перед войной в семье шаманов, но его отец был репрессирован. Никто этого шамана не посвятил в шаманы, не провел ритуал. И он был слегка не в себе. Все вокруг считали его сумасшедшим, хотя он пел песни и лечил людей в селе. Но несколько раз его забирали в психушку. И потом в сорок пять лет его забрали окончательно, что с ним случилось, неизвестно, он просто оттуда не вышел. Вот что он говорил в 1974 году: власть эта в Кремле захвачена демоном. Ленин и Сталин были одержимы демоном. Демон сидит в Кремле и входит в каждого, кто занимает пост руководителя России. Задача шамана – выгнать демона из Кремля. И тогда люди нашей страны будут счастливо жить. Шамана-психопата забрали в психушку, в другие миры. Ну еще бы, говорить такие вещи в 1974 году.

Мы много пили. В основном водку. И портвейн «Три семерки», в народе называемый «Три топора». Я не знаю, что туда добавляли, но, выпив один стакан, ты не просто пьянел, ты летел. Начинаясь самый настоящий трансый трип. У меня большой опыт трансных состояний. Но в поздней моей жизни, в других уже мирах, там, где я живу и сейчас, все эти состояния всегда очень осознанны и являются частью духовной практики. А вот стакан портвейна «Три топора» – это был, пожалуй, первый в моей жизни серьезный отлет. Сибирь... Ну да ладно. Потому что сейчас не об этом.

Сейчас о том, что тогда, в 98-м, мне уже совсем невозможно было работать в моем родном городе. Ведь я делал так называемый авангардный театр. Авангардный театр в Иркутске был сродни наркомании и СПИДу. Так что работать нам уже почти было негде. Друзья вокруг

умирали от СПИДа, ножей, тюрьмы, передоза и суицида. Где-то далеко шла война в Чечне. Паренек, что учился одним классом раньше, Рома, пошел на войну и там попал в плен. В его квартиру в Иркутске однажды позвонили, открыла Ромина мать. За дверью оказался чеченец. Сказал так: «Платишь здесь, отпускаем там». Сервис к этому времени уже был на высоком уровне. Мама Ромы внесла платеж. И действительно, через пару месяцев ее сын был уже дома. Все закончилось очень хорошо. Как и должно все заканчиваться всегда – хорошо. Но дело не в этом...

Я тогда сидел на краю скалы посреди тайги. Есть такие одиночные скалы посреди тайги. Вокруг на тысячи километров тайга. Сидел на краю скалы. Смотрел вдаль. Отдыхал, потому что в этот день мы с друзьями много прошли пешком. Мне было примерно двадцать шесть лет. Сибирь. Я люблю эту Сибирь. Она мне как мать. Как будто большая женщина легла всем своим телом на землю – и это Сибирь. Сибирь – это тело. Это пространство. Там люди пьют, бьют, туда люди бежали и снова, и снова бегут. 90-е годы. Несмотря на весь этот треш. Несмотря на все, что случилось с моим поколением. Десять человек из класса погибли. Статистика практически Второй мировой. Но неважно... Нет, это важно. Для меня все это важно. Я там сидел на скале и понял, что где бы я ни был, куда бы я ни уехал... Сибирь всегда будет во мне, потому что я часть ее. Сибирь – это вселенная. И сейчас, когда я живу далеко от Сибири, я все равно каждый день... Но дело не в этом.

И вдруг мне сообщают: твою пьесу поставят в Болгарии. На фестивале в городе Варна. Молодой, культовый, самый подающий надежды кумир нового театра поставит твою пьесу. И я был на премьере. Первая постановка моей пьесы в жизни. Пьеса называлась «Сны». Она посвящалась моим друзьям, умершим от героина. Варна. Болгария. Пляжи. Золотые Пески. И это был лучший спектакль для меня. До сих пор. Хотя сейчас поставлено уже где-то 300 или даже 500 спектаклей по моим пьесам. Но это был лучший. Я до сих пор потрясен. Это было в 2000-м, если не ошибаюсь. После премьеры мы с режиссером (он оказался невероятно талантливым) сидим в баре. Выпили уже достаточно много. Я его спрашиваю: «Ты женат?» И он мне отвечает: «Я живу с молодым человеком. Мой дед был лесничим в Сибири. Дед по линии бабушки – казак на Вятке. Сабля, усы, лампасы, все дела. Я живу с молодым человеком», – сказал режиссер. Мне. Сны. Пот пробежал у меня по спине. Педик. Он педик. Сибирь. Вспомнил, как я сидел на скале. Тайга. Сны. Героин. СПИД. Леха погиб. Андрюху «суки замочили», а Гера сгинул в Чечне. И этот режиссер такой смотрит мне прямо в глаза и говорит: я живу с молодым человеком. И в эту секунду мое рабство закончилось. Я понял, что передо мной человек. Что люди могут любить того, кого они захотят. Что люди вообще должны любить всех. Просто любить. И вся эта отвратительная гнилая гомофобия пацана из Иркутска вышла из меня в один миг. И я стал ближе на пути к человеку. Я не был еще человек. Я и сейчас еще не до конца человек. Но я встал на путь, чтобы стать человеком. Другие миры. Теперь этот режиссер – мой лучший друг. Нашей дружбе уже двадцать лет. Когда я сидел на скале, я понимал, что другие миры проходят где-то во мне. Другие миры – это я. В красоте есть гармония. Бог не может быть гомофобом, или расистом, или... но это неважно. Дело не в этом.

90-е годы были годами борьбы за свободу. Мы обрели свободу. Это все равно было необходимое время. Расплата за грехи наших дедов и наших отцов. Жертвоприношение черной дыре. Мы шли вперед. Мы были по-своему счастливы. Мы горели в огне. И этот огонь сжигал в нас страхи и комплексы, сжигал в нас... и нас. Он сжигал нас. Мы сгорели в этом огне. И Леха, мой друг, не вернулся оттуда. Он там. В черной магической дыре, вместе с цыганами и ментами, стоявшими за поставками героина, чтобы заработать, но теперь все это в черной дыре... Как жаль, что этот огонь не сжег систему дотла. Теперь мы снова в том месте, где начинался пожар. И значит, все это снова будет гореть... Но дело не в этом.

Сибирь. Это женщина. Большая. Лежит всем телом. Мы в ней родились. Мы вышли из ее живота. Мы ее дети. И мы навсегда останемся в ней.

Жизнь в Европе. Премьеры в Нью-Йорке. Неважно. Я все еще там. В Сибири. Другие миры. Я все еще там. В них. Внутри.

Это эссе является художественным литературным произведением. Некоторые события могут быть выдуманы автором. Но суть всего изложенного именно такова.

Андрей Филимонов⁴ **Лучший вид на этот город**

Почти двадцать лет я наблюдал из своего окна за исчезновением старого города. Это было в Томске, который однажды пригодился французскому поэту Гийому Аполлинеру в качестве символа края земли:

Поезд донес до метельного Томска
вести с полей Шампани... —

написал поэт в военном стихотворении 1917 года, желая подчеркнуть, что даже отморозенные гипербореи из мест отдаленных узнали о победе на Западном фронте.

В этом городе время идет не так, как в других городах. Иногда оно совсем не идет, застывает, но, даже тронувшись с места, никуда не спешит. Наиболее внимательные путешественники отмечали, что стрелки часов здесь крутятся медленнее, чем обычно, поэтому город хорошо сохранился. Хотя и плохо выглядит. Но это из-за панельного домостроения. Оно пришло внезапно, словно эскадра колонизаторов в туземный порт. На фоне девятиэтажных новостроек бревенчатые домики выглядят убогими лодочками аборигенов.

Мы почти не общались – пассажиры девятиэтажек и туземцы из «памятников деревянного зодчества». Двухсотлетние старцы, вросшие в землю по самые окна, уныло скребли ставнями тротуары. Бывшие купеческие хоромы с деревянными драконами и жар-птицами на крышах кренились вправо и влево, иногда под таким острым углом, что хотелось зайти внутрь и спросить жильцов, как они там обходятся без альпинистского снаряжения.

С четвертого этажа, из окна моей комнаты, улица казалась пьяной и оттого – живой. Только шедевры панельного домостроя стояли ровно, под прямым углом, как пионеры на демонстрации. Деревянные старожилы, помнившие каторгу и ссылку, выделяли коленца какого-то не очень приличного танца. Архитектура – это ведь застывшая музыка. И кто сказал, что обязательно классическая? Томские деревяшки явно плясали комаринскую.

Особенно летом, когда за кривыми заборами, в огородах, заросших крапивой, кто-нибудь до глубокой ночи терзал баян. Музыканты, одетые по-домашнему – кепка, беломорина, татуировки на голом торсе, – никого не стеснялись. Они еще не успели привыкнуть к девятиэтажной стене, нависающей над их личным пространством. Из своего окна я наблюдал эти домашние концерты на свежем воздухе, которые чаще всего были прелюдией к пьяной драке. И тогда бледная северная ночь взрывалась экзистенциальной матерщиной.

С давних времен мордобой являлся излюбленной формой досуга томских обывателей. Ссылные журналисты позапрошлого века (других там практически не было до открытия университета в 1888 году) в красках описывали на страницах губернских газет, как по воскресеньям, вернувшись из церкви, сходятся в кулачном бою стенка на стенку жители соседних улиц. Месяц друг друга кулаками час-другой до полного удовольствия, а потом расходятся, усталые, но довольные.

Примерно так же дело обстояло в 1981 году, когда мы поселились в новой квартире, выходящей окнами на старый город. С одним отличием: перед дракой народ уже не посещал церковь.

---

⁴ Андрей Филимонов (род. в 1969 г. в Барнауле) – прозаик, поэт, журналист. Основатель передвижного поэтического фестиваля «ПлясНигде» («PlaceNigде»). Автор книг «Головастик и святые», «Рецепты сотворения мира», «Выхожу 1 ја на дорогу»

Пока наш дом оставался в этом районе единственным флагманом цивилизации, уцелевшие при СССР городские храмы были передо мной как на ладони. Справа, у реки, – пузатая, в византийском стиле, действующая церковь, вокруг которой на Пасху милиция выставляла оцепление, чтобы сдерживать толпу, рвущуюся поглазеть на полночный крестный ход. Эту вредную народную привычку советская власть так и не смогла истребить.

Немного дальше белели руины монастыря, где когда-то сидел в заточении Ганнибал. Тот самый арап Петра Великого, отправленный в Сибирь после смерти своего покровителя. Согласно легенде, Абрам Петрович ухитрился незаметно выйти за пределы монастырских стен и самовольно покинул город. Звучит как анекдот про чернокожих американских парашютистов на Украине. Африканец, *незаметно* путешествующий по Сибири в XVIII веке. Конечно! А как же еще?

Другая легенда сообщала, что на монастырском кладбище похоронен император Александр Первый, который «жил в дороге, умер в Таганроге», а на самом деле ушел – тоже незаметно – и отправился бродить по России под именем Федор, пока не занесло его в Сибирь, где проницательный купец Хромов разглядел в облике бродяги царские черты.

А еще из моего окна был виден Воскресенский холм с костелом, построенным ссыльными поляками, которые населили Томск после двух восстаний в XIX веке. Поляков было много, несколько тысяч, среди них инженеры, агрономы, врачи, учителя. Странная у них была карма – сначала немного пострелять в русских солдат, а потом всю оставшуюся жизнь лечить русских, учить их детей математике и французскому языку, заниматься рискованным земледелием в суровом климате Сибири. На свои деньги польская община выстроила костел в самом центре города. После революции и коллективизации, когда советская власть окончательно убедилась, что Бога нет и все позволено, для костела нашли хозяйственное применение: там было устроено овощехранилище. Католикам еще повезло. Не то что мусульманам, у которых в мечети открыли цех ликеро-водочного завода. Попыхивающая сизым дымом труба «ликерки» особенно хорошо смотрелась на фоне закатного неба.

Да, забыл сказать, что окно комнаты выходило на запад, поэтому разные виды заката были предметом моей особой гордости. Весной я приглашал гостей полюбоваться видами. Особенно девушек. Словно продюсер светового шоу, я обращал их внимание на переходы грозно-алого в пастельно-сиреневый или философски фиолетовый. Романтическое настроение возникало само собой. Даже стихи были не нужны. Зачем стихи, когда есть такой закат.

А потом – баста, карапузики, кончились танцы! – панельное домостроение двинулось вперед семимильными шагами. Одинаковые девятиэтажки вырастали перед моим окном, как гробы. Они заслонили небо и землю. Старый город исчез, словно его никогда и не было. Ни заката, ни купеческих теремов... Это произошло в ходе выполнения последнего пятилетнего плана, словно агонизирующая советская власть торопилась нагадить, заполняя городское пространство пародиями на Корбюзье, у которого, по словам Бродского, было то *общее с Лювтаффе, что оба поработали сполна над измененьем облика Европы...* Впрочем, Томск не Европа.

Однажды мы сидели на балконе с другим великим поэтом – Егором Летовым. Он приехал ко мне в гости с приятелем из новосибирского Академгородка – Сашей Кувшиновым, известным акционистом, который любил играть на горящих пианино. Мы беседовали об одномерном человеке и невозможности прекрасного.

– Вот, полюбуйтесь, – сказал я, указывая на панельную китайскую стену напротив, заменившую мне вид из окна. – Раньше я смотрел вниз и чувствовал себя путешественником во времени, а теперь какая-то пошлятина, «Ирония судьбы».

– «Машина времени» тоже попса, – ответил Егор. – А вид из окна – нормальный. У меня в Омске точь-в-точь такой же. Ничего страшного, даже наоборот, ты знаешь наверняка, что

хуже уже не будет. Подумай о том, что со стороны твоя девятиэтажка ничем не отличается от остальных. Вот она, победа коммунизма!

– И все идет по плану?

– Конечно. По-другому в нашей стране и быть не может.

В его словах звучала глубокая мудрость. Но я был, наверное, слишком сентиментален для такой суровой философии и не смог привыкнуть к исчезновению любимого вида из окна. Поэтому через некоторое время покинул Томск.

Ярослава Пулинович⁵ Город безымянных улиц

Мне было девять лет. Мои родители, уставшие от голода, съемных квартир и всеобщей неразберихи, устремили свои взгляды на Север. Русский Клондайк девяностых. Там платили, там давали квартиры, там даже, как рассказывали очевидцы, не отключали систематически воду и свет. Мы долго ехали на поезде. Неразборчивые голоса дикторов на вокзале, ночные полустаночки, так таинственно манящие пассажиров в купе, невкусные толстые пироги с прогорклым маслом и непропеченным тестом. И вот станции стали мелькать все реже. Деревья становились все ниже, пока не исчезли вообще, уступив место невзрачному кустарнику. Начался край света. Наконец мы вышли на станции маленького северного городка. Поезд дальше не шел. Так началась наша северная кочевая жизнь. Много-много лет прошло, прежде чем мы уехали отсюда.

Весь август лил нескончаемый дождь, смешивая все в один цвет. Мы устроились в двухкомнатной квартире. В нашем новом городе не было названий улиц. Это было странно, к этому сложно было привыкнуть. Название микрорайона и номер дома. И все, никаких излишеств. Север приучал обходиться малым. Первого сентября я пошла в школу. Отношения сразу не сложились. Класс разделялся на местных и приезжих. Местные ребята – узкоглазые малорослики, худые, маленькие, подтянутые, приезжие – перекормленные раздавленные дети, наевшие щеки сразу, как только перекочевали сюда из своих пустых голодных городов. «С Большой земли» – так здесь называли все города, которые не относились к Северу. С малоросликами было сложно – они не любили приезжих. Это была их земля, их родина, их мир. Незатейливый, на болоте построенный, засыпанный песком, но их, собственный. Да и за что мы любим свою родную землю? Кто-то скажет – за березки, и будет неправ, потому что у малоросликов и березок не было – карликовые деревья, похожие больше на кустарники, и то не везде. В этих микрорайонах, среди безымянных улиц, и в этой тундре, тянувшейся на много тысяч километров вокруг города, они чувствовали себя своими. Они и были здесь своими. Потому что приезжие поводили носами и любили хвастать, как ездили в отпуск с родителями к бабушке и дедушке, к себе домой – в Омск, в Краснодар, в Новосибирск, в Нижний Новгород. А у малоросликов выбора не было – здесь родились, здесь и проводят лето. Кстати, лето длилось ровно два месяца. Мне сразу было обозначено быть с приезжими.

В середине сентября я сошлась с одноклассницей Светой. Жизнь у Светы не задалась с самого рождения. Она была толстой, рыхлой и ярко-рыжей той рыжиной, которой так отчаянно добиваются модницы, изводя тонны краски. Она была объектом насмешек своего старшего брата, вечным камнем преткновения для своей красивой, стройной и тоже очень рыжей мамы. А еще из Светиной семьи недавно ушел папа. И Света винила в этом только себя и свою неудачную фигуру. Ей запрещали питаться в школьной столовой. Каждый день она приносила с собой три зеленых яблока. По пол-яблока на перемену. В нашей столовой кормили хоть и бесплатно, но невкусно. И я не понимала тогда, почему Света так грустно жует свои яблоки на каждой перемене. Яблоки были красивые и очень большие. Импортные – так их называли. Я таких еще не видела, и эти яблоки засели в моей детской, не окрепшей для всяческих страстей душе завистливой иглой. Несколько недель подряд они не давали мне покоя. И тогда я приду-

---

⁵ Ярослава Пулинович (род. в 1987 г. в Омске) – драматург, сценарист. Автор пьес «Карнавал заветных желаний», «Учитель химии», «Наташина мечта», «Жанна», «Звезда Эльзы» и мн. др. Пьесы были поставлены в театрах Москвы и других городов России, а также Великобритании, США, Польши, Румынии, Болгарии. Автор сценария фильмов «Как поймать магазинного вора», «Хроноглаз», «Я не вернусь», «Как я стал», «Залиния», «Земля Эльзы». Лауреат многих премий (в том числе «Дебют»).

мала коварный план – как подобраться к Светиным яблокам поближе. План, как мне казалось, должен был сработать стопроцентно.

На одной из переменок я как бы невзначай подседа к Свете.

– А знаешь что, – сказала я ей, тоже как будто просто так.

– Что? – хрустя яблоком, протянула Света.

– А ведь я, Света, ведьма. – И тут я так выразительно на нее посмотрела, что сомнений у нее не должно было остаться никаких – ведьма и есть.

– Да ладно! – удивилась Света.

– У меня бабка – ведьма, и прабабка – ведьма, и прапрабабка тоже ведьма, а дед – цыган, – затараторила я. – А мама на картах может гадать, и все тоже могут, и я могу, и еще могу всякое: и приворот делать, и в семью возвращать там или вот любую девочку превратить в как барби, такую же... А что ты ешь? Яблоки, да? У меня у бабушки всякие яблоки растут в саду, а такие не растут. Дай попробовать? А еще видела, ты в портфель «Куку-руку» положила. Давай я тебе погадаю, а ты мне кусочек? – открылась я перед Светой разом.

Света меланхолично выложила передо мной блестящее, как будто фарфоровое, яблоко. И не менее меланхолично достала из сумки глянцевою упаковку с заветными вафлями – как алкоголик хранит в записке водку, она хранила сладости у себя в портфеле, основательно запрятав их между тетрадок и учебников. Правда, в отличие от яблока, от «Куку-руку» мне и вправду достался всего лишь маленький кусочек. Все было уничтожено мгновенно.

– А куда пойдём гадать? Здесь училка запалит карты и заберет. Она пацанам в прошлом году запрещала играть, тебя еще не было тогда. – Тут Света многозначительно на меня посмотрела, давая понять, что в прошлом году меня-то здесь действительно не было, а вот она, Света, была, и не нужно мне про это забывать. – Может, ко мне домой? У меня и карты дома есть, братнины только.

Я хотела блеснуть мастерством гадания и заявить, что гадать можно только на гадальных картах, а игральные для этого тонкого дела ну никак не годятся. Но деликатно промолчала, вспомнив, что дома-то у меня никаких карт нет, а отступать было уже поздно.

После уроков мы пошли к Свете домой. В сентябре уже начинало темнеть, по нашим, большеземельным, меркам, почти по-зимнему. Мы, растворившись в сумерках и дожде, долго шли по району, освещенному фонарями и в большей степени блеском луж, которые, разросшись где-то до размеров озер, сверкали и манили в непроглядной тьме дворов. «Как же я найду дорогу назад?» – пронеслось у меня в голове. Это был самый большой мой страх – заблудиться в этом городе, где нет названий улиц. Я представляла, как буду бродить тут одна-одинешенька и даже если вокруг меня соберутся люди, захотят мне помочь и отвести домой, я все равно не смогу объяснить, где я живу. Потому что как объяснить, если улиц нет, а все дома одинаковые? Мне тогда в голову не приходило, что номер микрорайона – это и есть что-то вроде названия улицы. Наконец мы подошли к огромной п-образной девятиэтажке, зашли в подъезд, и Света повела меня по каким-то лабиринтам – заходили на один этаж, через другой выход поднимались на два пролета, затем свернули в коридор, вмещавший в себя множество дверей. Светина квартира показалась мне еще меньше нашей и гораздо захламеннее. При самом минимуме мебели протиснуться из коридора в комнату было тяжело – вход загромождали огромные клетчатые баулы. Они стояли повсюду – у стен, под кроватью, на окнах. От их количества казалось, что и обои в квартире были в сумчатую клеточку и свет от лампы распространялся как-то клеткообразно.

– Почем снимаете? – деловито поинтересовалась я, ребенок своих бездомных родителей.

– Это наша, – обиделась Света. – Тапочки надевай. Вот эти.

– А это? – кивнула я на баулы, переобуваясь.

– Это мамыны, – сказала Света, – она у меня челночница.

Я понимающе кивнула, хотя и не поняла.

– Италию продает. Возле рынка магазин видела? – пояснила моя новоиспеченная подруга.

Теперь некоторые детали профессии Светиной мамы для меня прояснились. Я презрительно хмыкнула про себя. Моя бабушка, учительница русского и литературы, оставшаяся в моем родном городе, называла таких спекулянтами, которые задушили каких-то там коммунистов. К коммунистам я особой жалости не испытывала, потому что никогда их не видела, но и оправдывать убийц-душителей тоже не могла. Мы прошли в комнату. Света принесла из кухни сковородку с макаронами по-флотски, и мы поужинали ими, даже не раскладывая по тарелкам. Запивали макароны каким-то заграничным соком с английскими буквами на упаковке.

– Мультифрукт, – гордо сказала Света. И снова легкий укол зависти почувствовала я в сердце.

Убрав остатки ужина, Света принесла из соседней комнаты колоду карт и положила их передо мной:

– Теперь гадай мне на судьбу.

Я взяла в руки карты и принялась тасовать колоду, приговаривая скороговоркой, как это делали старухи в деревне, где жила моя другая бабушка, не учительница, а обыкновенная колхозница-дойрка, мамина мама:

– Тридцать шесть картей четырех мастей, расскажите, не соврите, чего ждать, чего бояться, за какое дело не братья. Слово мое крепко и к картам липко. Аминь!

Слово «аминь» я повторила раз десять, потому что именно оно, была я уверена, обладает магической силой и гарантирует правдивое гадание. Остальные слова были более-менее понятны, а это, иностранное, таило в себе какую-то тайну, как будто настоящее древнее заклинание. К тому же мне показалось, что оно произвело свой эффект и на притихшую Свету. Для пущей убедительности я помахала в воздухе руками, вырисовывая какие-то причудливые знаки. Гадать я умела только по самому простому, «по-школьному». Научили подружки в деревне. Но Света, городская северная девочка, практически не имеющая друзей, смотрела на меня во все глаза. Я разложила карты и начала расшифровывать тайные знаки судьбы:

– Будет у тебя какой-то серьезный разговор. С королем. Наверное, любовный, – предположила я, но тут же исправилась, заметив, что Света залилась таким свекольным пунцом, каким умеют краснеть только рыжие тонкокожие люди. – А может, и просто так, дружеский...

Видимо, все-таки передалась мне деревенские бабкины гены, которая хоть и не была ведьмой, но славилась в своем селе тем, что мастерски гадала на любовь и заговаривала детские грыжи. Потому что не успела я выдать новую порцию предсказаний, как в дверях заворочался ключ и через несколько секунд на кухне загремела посуда.

– Брат пришел, – переполошилась Света, схватила карты и стала судорожно запихивать рассыпающуюся колоду под диванный плед.

– Светка! Ты опять все макароны сожрала! – раздался басок, срывающийся на визгливый дискант, и тут же в дверях появился рассерженный великан, волосом чуть потемнее Светы, но тоже очень рыжий, с лицом, покрытым всевозможными видами и подвидами прыщей. – Ты, жируха, сколько раз тебе мать говорила, жри капусту, ты чё, не понимаешь, что ли? Тебе чё врач сказал, а? Чё? Ну-ка повтори! Тебе врач сказал, что надо на двадцать килограммов похудеть! Ты совсем, блин, офонарела, на ночь макароны жрать?!

Света вжалась в диван.

– Антон, я не ела почти, ко мне подруга пришла, так я покормила, ей-то можно ведь. Мама мне сама разрешила друзей домой приводить, ты не слышал просто!

– Слышь, жируха, мне плевать на твоих друзей! Мне мама сказала следить за твоим здоровьем, пока ее нет. Как я за ним услежу, если ты жрешь, как свинья? Ты яблоки сегодня ела?

– Ела, – опустила Света глаза.

– Завтра чтобы съела десять яблок и запила кефиром. И всё. Поняла меня?

Тонкокожий Светин подбородок затрясся, как студень.

– Поняла.

– Антох, ну чё ты малую опять кошмаришь?

В комнату зашел высокий парень – золотисто-светловолосый, худой, с глазами доброго хулигана.

Я вся превратилась в слух и зрение.

– А чё она? – взъерепенился Антон. – Мне мать сказала: наберет за мой отъезд хоть сто грамм, лишу тебя карманных на месяц. А как с ней еще? У нее сердце уже барахлит, семьдесят пять кило в девять лет!

– Ладно, давай тогда, я пошел, спасибо за кассету, – сказал светловолосый и вышел в коридор.

– Ну ладно, Свет, я тоже пойду, – засобиралась я. Света лишь уныло кивнула, а я выскользнула в коридор. Мы вместе со светловолосым обулись, спустились вниз по лабиринту лестниц и вышли в прозрачную ветреную ночь, в самую настоящую, хотя дома на Светиных часах (посмотрела перед уходом) не доходило и до семи.

– Тебе куда? – спросил меня парень. – Поздно, заблудишься. Давай провожу.

– Шестьдесят четвертый дом, – ответила я, задумавшись по привычке, – все хотелось назвать какую-то, ну хоть какую-нибудь улицу, которой не существовало в природе.

– В нашем районе?

– Да.

– А подъезд?

– Второй.

– О! Ты на каком этаже?

– На третьем.

– А я на четвертом. Соседи! Саша, – протянул мне руку мой спутник.

Я оторопела от такого серьезного и вежливого отношения и, не веря сама себе, протянула руку в ответ:

– Яна.

Рука у Саши была хорошая – теплая, суховатая.

Мы пошли по городу, сворачивая на изгибах безымянных улиц, обходя лужи. Впервые этот город показался мне красивым.

– А я тебя чё-то ни разу не видел, – вопросительно сказал Саша.

– А мы недавно переехали. В начале августа.

– А-а-а. Откуда?

– Из Омска.

– Здесь много омичей, – кивнул Саша. – А мы из Кургана. Четвертый год уже. Ну чё, нравится?

Я пожала плечами.

– Дыра, – подтвердил мой спутник. – А чё делать? Надо на квартиру здесь зарабатывать и валить.

– Это точно, – многозначительно поддакнула я.

У двери моей квартиры Саша снова пожал мне руку:

– Ты заходи в гости, Яна. У меня сестра, Танюха, почти твоя ровесница. Она тут всех малых во дворе знает, знакомит, если чё. – Тут Саша нажал за меня на кнопку звонка, до которого я дотягивалась с трудом, и исчез в пролете этажей.

Утром я похвасталась Свете, что подружилась с Сашей. Света только отмахнулась:

– Чё гонишь?

Она была сегодня явно не в духе и с ненавистью хрустела своими яблоками на переменах, а мне даже не предложила.

Таню я повстречала через несколько дней в подъезде. Высокая худая девочка поднималась по лестнице.

– Девочка, извини, а ты случайно не Таня? – смущенно выпалила я.

– Таня, – ответила девочка и подняла на меня свои большие, почти иконописные глаза. Она была хорошенькой. Про таких детей не говорят «красивые» – говорят, «чистенькие», «лапочки». Светлые, почти до пояса волосы обрамляли правильное детское лицо, чистое, без единой помарочки. Аккуратные руки, тонкокостная фигура, высокий, абсолютно кукольный лоб, сверкающий свежей белизной. На ее опрятном фоне я смотрелась «цыганушкой».

– А мне про тебя Саша говорил, сказал, что ты здесь всех знаешь, – начала я знакомство.

– Да, – гордо подтвердила Таня. – Я почти всех тут... А тебя как звать?

– Яна.

– Подожди меня здесь, я хлеб домой занесу, и пойдем гулять. Я тебе наше озеро покажу.

Как легко в детстве обретать людей! Море общих интересов, пять минут кратких выяснений, кто ты и что – и вот у тебя уже появился новый навсегда-навсегдашний друг!

Таня привела меня на озеро. До этого я не знала, что в моем новом городе есть настоящее озеро. Впрочем, озеро как раз было ненастоящим. То есть оно было, огромное, темное, мутно-блеклое, но оно было техническое, как объяснила мне Таня, а значит, как будто бы и не озеро вовсе. Но все-таки это была вода. Нам, приехавшим из своих городов на больших реках, было сложно привыкнуть к песку, тундре и мелким, затерявшимся среди этого пейзажа болотцам. Вдоль берега валялись автомобильные шины, железки, потускневшие обертки от шоколада и конфет, потерявшие ныне свой завлекательный блеск, бутылки и банки из-под пива, а также стояло не пойми откуда взявшееся кресло с вылезшими наружу пружинами. Черная вода омывала свои богатства и изредка утягивала самые легкие и привлекательные из них внутрь, в свое бездонное чрево. Мы пошли по берегу. Ни кустика, ни травинки. А только песок, песок, бурый, иногда доходящий до черноты, а где-то светлый, как будто настоящий, с прожилками маленьких камешков. Ветер нес его в город. Дождь закончился. И теперь вот уже который день дул пронизывающий северный ветер, петляя по улицам.

Таня строго посмотрела на меня своими лучистыми детскими глазами и спросила:

– А ты знаешь, что такое «трахаться»?

Этот вопрос завел меня в тупик. Я знала, что можно вот, например, трахнуть кулаком по столу. Ну да, догадалась я, а если много кулаков, они что делают? Правильно, трахаются об стол. Я радостно закивала – мол, знаю, поняла.

– А «трахаться» и «сношаться» знаешь чем отличаются? – снова задала мне вопрос эта чистенькая аккуратная девочка.

Я была побеждена. Этого я, конечно, не знала.

– Трахаются лежа. А сношаются стоя, – объяснила мне Таня. – Вот мои мама с папой трахаются, я сама подглядывала, а Сашка с Юлькой, наверное, сношаются, но я не видела.

Я была придавлена количеством новой информации, свалившейся на меня.

– А кто такая Юля? – спросила я.

– Сашкина девушка. Ей уже семнадцать. Они поженятся годика через три, – объяснила Таня.

Настроение у меня испортилось. Саша уже несколько дней казался мне самым лучшим и красивым человеком, которого я встречала в жизни. Наверное, это и называется «влюбилась», но тогда я про это не думала. Влюбиться было оскорбительно, влюбиться – значит стать посмешищем всей школы, обозначить перед миром свою беззащитность. Влюбленного всегда можно заставить краснеть, крикнув, например, на весь класс: «А он мне сам говорил, что Машку любит!» И все, человек сражен наповал, опозорен перед всем обществом. Поэтому про Сашу я молчала в тряпочку. Но перед сном представляла, как выйду за него замуж, когда вырасту. Наличие какой-то Юли разбило все мои мечты и планы. Правда, терзания были недолгими.

«Ничего, – успокоила я себя, – когда я вырасту, эта противная Юля уже помрет от старости, и тогда Саша женится на мне».

– Пойдем к пацанам за гаражи, у них там шалаш есть, Димасик построил, – предложила Таня.

Я закивала головой и радостно вцепилась в руку своей новой подруги. С ней было хорошо. Она всегда знала, что делать.

Уже к вечеру я была бесповоротно влюблена и очарована Таней. Эта светловолосая кудрявая девочка знала абсолютно все про всех, она была просто кладезь неиссякаемых историй про то, как кто-то с кем-то поругался, а потом помирился, как вот этот вот дядька увел жену у вон того, а потом ее бросил и закрутил с крашенной из пятого подъезда, сыпала подробностями из жизни всех семей, проживавших в нашем дворе, с такой легкостью и скоростью, как опытный жонглер подбрасывает и ловит мячики. В довершение ко всему Таня умела играть на пианино саундтрек из сериала «Элен и ребята», довольно похоже срисовывала в тетрадь диснеевских персонажей и имела настоящую Барби с гнущимися руками и ногами. Ну и самое главное – у нее был брат Саша. В общем, Таня являла собой само совершенство во всех сферах жизни. Меланхоличная толстая Света была забыта, теперь единственной стоящей девчонкой во всем городе я считала Таню. Только с ней можно было делиться тайнами, только она могла объяснить самые замысловатые и затейливые секреты мироздания.

Остальные дети теперь для меня тоже делились на две категории – те, кого Таня приняла в свою компанию, и те, с кем Таня не водилась. Я потеряла счет дням, счастливая неслась в школу и еще быстрее бежала обратно – закинуть сумку, переодеться и наконец подняться на четвертый этаж (десять ступенек вверх) к моей новой подруге. Обычно мы наскоро обедали, делали уроки, а дальше можно было только гадать, что сегодня взбредет в голову Татьяне. Иногда мы передевались в платья Таниной мамы и до упаду танцевали под модную тогда Линду. «Мама-мамарихуана», – выкрикивала я, путаясь в длинных юбках, и представлялась статная загадочная женщина, мама какого-то там Хуана, которая хоть и не крапива, но трогать ее было нельзя по причине, видимо, скверного характера. Самой любимой была игра в школу. Составлялся журнал, распределялись классы. В моем учились Пугачева, Варум, Свиридова, Маликов и почему-то Глеб Самойлов, в Танином – Распутина, Губин, весь состав группы «Иванушки International» и обожаемая нами Линда. Наши ученики бесконечно дрались между собой, получали двойки, а нам, двум строгим учительницам, ничего не оставалось, как выяснять между собой, кто виноват в очередном конфликте. Реальная ссора чуть не разгорелась, когда моя ученица Анжелика Варум влюбилась в Таниного ученика Андрея Губина и Таня настаивала на собрании педсовета, а я убеждала ее, что любой человек имеет право на любовь, пусть даже он еще учится в школе.

Ближе к вечеру приходил Саша. Иногда с другом, иногда один, иногда со своей семнадцатилетней старухой Юлькой. Я цепенела, краснела и начинала отвечать Таньке невпопад. Бывало, Саша заходил в Танину комнату и даже разговаривал с нами. Каждый разговор с ним прогонялся в моей голове до состояния зажеванной магнитофонной ленты до тех пор, пока не появлялся новый повод для бесконечных воспоминаний.

Стоял конец января – холодный, жгучий, жалящий, обжигающий лицо и руки до обморожения. Бесстрастные северные морозы окутали все вокруг, и только по утрам в морозной дымке вырисовывались призрачные дома, улицы, машины, дороги. Около двух часов дня начинало смеркаться, и город-призрак снова исчезал в кромешной тьме. Счастье привалило неожиданно. Танина мама уехала в командировку в соседний город, папа, как приличный человек, тут же загулял и уже третий день не возвращался с какого-то дня рождения. В школе объявили дискотеку для старшеклассников. Меня эта дискотека никак не касалась, и, собственно, узнала я о ней от Тани, которая всю неделю ходила мрачнее тучи. А в конце недели вдруг расцвела, подловила меня в коридоре на перемене и заговорщицки зашептала, что Саша согласен

взять ее и меня на дискотеку, раз уж Таня осталась временно сиротой, если мы будем вести себя как мышки, молчать в тряпочку и ни к кому не приставать с глупостями. Настоящая дискотека со старшеклассниками, среди которых будет Саша! Мысли заскакали, сердце забилося от такой новости. Последующие два дня мы провели в полной конспирации. Во-первых, надо было придумать внятную байку для моих родителей. В итоге сошлись опять же на толстой Светке, о которой я маме уже рассказывала как о девочке приличной и тихой. Во-вторых, был придуман концерт, где мы со Светкой должны будем выступать, а следовательно, готовиться к нему нам необходимо допоздна. В-третьих, нужно было придумать наряд (но тут Таня все взяла в свои руки, в довершение к остальным талантам она была еще и прирожденной модницей).

Родители на мое сообщение о завтрашнем позднем возвращении отреагировали равнодушно. У них не ладилось с работой, они приходили поздно и до самой ночи разговаривали на кухне о каком-то придурке начальнике и о том, что не этого они ожидали, переезжая на Север. Они были журналисты с ненормированным графиком. Сумасшедшие люди, преданные своей профессии, они много курили и много работали. Я со своим якобы концертом привлечь их внимание не могла. А потому все разрешилось благополучно.

Уже в пять вечера я была у Тани. Она заранее достала из баула со старыми вещами свои теперь уже маленькие для нее джинсы и Сашину футболку с Цоем. Собственно, футболка доставала мне до колен и выглядела как платье. При любых других обстоятельствах я бы отказалась такое надевать. Но, во-первых, это была футболка Саши. А во-вторых, у Тани определенно был вкус – она сказала, что на мне эта футболка выглядит туникой, и слово «туника» польстило мне своей непонятной изысканностью.

Договорились, что мы вместе с Сашей и Юлькой идем в школу к семи вечера. Дальше я и Таня остаемся стоять у школы и ждем знака от «старшаков». В это время Саша отвлекает проверяющих училков на вахте, и, как только он их отвлечет, мы огромной компанией, в самом сердце которой, как нелегалы, запрятаны мы с Таней, проходим. Так и случилось. Саша со своей Юлькой – густо накрашенной женщиной с визгливым голосом – зашли в школу. Мы остались стоять у дверей. Дул ветер. Словно кнут, обжигал нас северный мороз. Прошла минута, другая. Потом счет пошел на десятки. Коленки, облегаемые только тонкими джинсами без колгот, начали терять свою чувствительность. Больно жгло щеки и хотелось в туалет. Мы молчали. Я начала переживать, что «старшаки» над нами жестоко подшутили и теперь мы будем стоять здесь, пока не замерзнем, потому что уйти домой у нас не хватит силы воли. Кто жил на севере, тот знает, что такое – ждать кого-то на улице. Наконец из школы вышла Юлька (она была уже без дубленки, в одном легком зеленом платье) и крикнула:

– Быстро на второй ход, там вас народ ждет.

Мы пошли на второй ход. Там уже стояла компания старшеклассников. И тут Таню узнали.

– Танюха, давай сюда, становитесь в круг, живо!

Я в очередной раз поразила Таниной популярностью: сами «старшаки» принимали ее за свою. Нас окружили эти прекрасные крутые люди, и на счет «раз-два-три» мы вбежали грохочущей орущей компанией в школу. Незнакомые «старшеклассные» училки кричали нам что-то вслед. Я видела перед собой только чьи-то спины, руки, ноги. И мне хотелось, чтобы этот бег среди этих замечательных людей никогда не заканчивался. Юлька отвела нас в девчачий туалет и сказала, что сама за нами придет. А сейчас велела не высовываться – пока не погасили свет, нас могли замести в любую минуту. От такого ощущения опасности защекотало в носу. Мы с Таней сняли свои пуховики и сложили их на подоконнике туалета.

– Круто? – спросила Таня. – Сейчас еще кто-нибудь обязательно водяры нажрется, сосаться придут. Вот это вообще будет! Я уже видела пару раз!

И все-то она знала и обо всем-то имела представление! Я снова порадовалась тому, что судьба послала мне такую опытную и мудрую подругу. И вот откуда-то издалека заиграла группа «Руки вверх». Началась дискотека.

Сначала мы бесились с Таней, прыгая по туалету от радости, что попали в такую классную заваруху. Потом доигрывали в недоигранную школу. Самойлов получил пять двоек подряд и стоял на отчисление, «Иванушки» передрались, и особенно старался рыжий. Киркоров был застукан со Свиридовой в туалете. Анжелика Варум никак не хотела отказываться от своей преступной любви. Пугачева игнорировала замечание учителей, и с ней тоже нужно было что-то делать! Через час игра иссякла сама собой. За нами не приходили. Я замерзла в Сашиной футболке-тунике, Таня тоже дрожала в своем джинсовом облачении (джинсовая юбка, джинсовая жилетка, а поверх джинсовка – лучше наряда и не придумать). Мы снова напялили пуховики, еще немного побегали по туалету, а потом легли на кафельный пол, обнялись и заговорили о самом откровенном.

– Когда я вырасту, то буду работать в кино, – поделилась я с Таней своей мечтой.

– Актрисой? – уточнила та.

– Нет, мне неважно кем. Только чтобы можно было посмотреть, как они это делают.

– А я хочу быть русалкой, – отозвалась Таня, – но не такой, как в Диснее, а такой, знаешь... Самой красивой на свете. И чтобы в меня влюбился принц. И не как в сказке. Мне мама сказала, настоящие принцы живут в Лондоне и их всего два. Одного уже забрала принцесса Диана, а мне достанется второй.

– Ну знаешь, – подбодрила я Таню, – когда ты вырастешь, эта принцесса Диана будет уже старухой и умрет от старости, а тебе достанутся сразу двое.

– Не-ет! – засмеялась Таня, – не хочу, чтобы двое! У нас у папки моя мама и еще одна, и он все жрет водяру, а про него говорят – запутался мужик. Не хочу запутаться, пусть лучше будет один. Но только мой и только принц! А я буду принцесса.

Под эти разговоры я сама не заметила, как заснула. Разбудил меня визгливый голос Юльки.

– Ты чё, попутала чего? Ты вообще, блин, понимаешь, что это мой, на фиг, парень?

Я открыла глаза. Передо мной стояли две разряженные и раскрашенные девушки – собственно Юлька и еще одна, ниже ее на голову, короткостриженная.

– Это белый танец! Приглашаю кого хочу! – почти закричала короткостриженная.

– Какой, на фиг, хочу?! Это мой парень, поняла меня? – взвизгнула Юлька, произнося «поняла» как «поняла».

И тут в девичий туалет влетел Саша:

– Девочки, вы только волосы друг другу не дерите!

– Ты, блин, – мгновенно отреагировала Юлька, – тебя эта лахудра приглашает, а ты вообще типа ни при чем! Пошел такой на фиг! А у меня спросить – не?

– Ну чё ты, Юль, – начал оправдываться Саша.

– Чё Юль? Чё, блина, Юль? Я твоя девушка, а ты весь дискач вьешься вокруг этой! Всё, задолбало! – Тут Юлька глубоко вздохнула. – Я же вижу, как ты вокруг нее на переменах ходишь. Выбирай на фиг! Мне похрен, вот честно! Выбирай, сука! С кем ты сейчас пойдешь танцевать – с ней или со мной? Выбирай!!!

Это было предложение не для слабонервных. Саша растерянно посмотрел вокруг глазами выброшенного из окна котенка, затем на манер Юльки глубоко вздохнул, еще раз метнул взгляд на Юльку и на короткостриженую, а затем медленно произнес:

– Девочки, вы вконец долбанулись? Юлька, ты предлагаешь мне выбирать, с кем я буду танцевать? Ты уверена?

– Да, – кивнула Юлька, сглатывая проступившие слезы.

– Ок. Тогда я выбираю, – тут он выдержал лихорадочную паузу. – Я буду танцевать с Яной.

И Саша посмотрел на меня! Потом он подошел ко мне и протянул руку:

– Котенок, пойдешь со мной танцевать?

Я слабо кивнула, выскользнула из пуховика, оставляя спящую Таню.

– О! Ты в моей футболке! – заметил Саша. Он взял меня за руку, и мы куда-то пошли. А эти размалеванные, переглядываясь и хихикая сквозь всхлипы, пошли за нами.

Саша привел меня в наш школьный спортзал. Я погрузилась в сказочную обворожительную тьму. Магнитофон, он же светомузыка, орал незатейливое и вечно-подростковое *Don't speak*. Я доставала Саше чуть ниже груди. Откуда-то как по заказу рядом с нами оказалась скамейка запасных. Саша легко поднял меня и поставил на эту скамейку. Положил руки мне на талию. Закачался в такт музыке. От волнения я не знала, куда деть руки. Но в конце концов положила их Саше на плечи. Мир взметнулся и рухнул. От Саши приятно пахло немножко алкоголем и сигаретами, точь-в-точь как от моего отца. Саша смотрел на меня и иногда немного в сторону. Я слышала, как смеялись его одноклассники за нашими спинами, как истерично хохотала его старуха Юлька, но лицо Саши оставалось серьезным и неподвижным. Играла музыка, переливались на испанские мотивы гитары, и я хотела сказать ему, кто он для меня и что такое была наша встреча, но только неловко переваливалась в такт на скамеечке и смотрела, смотрела, смотрела на это взрослое светлое лицо доброго, немного грустного хулигана.

Музыка утихла. Саша совсем по-взрослому поцеловал мне руку:

– Спасибо, котенок. Ты меня сегодня спасла.

– Пожалуйста, – не очень уверенно отозвалась я.

Весь оставшийся вечер я просидела на скамеечке, наблюдая, как Саша то тусуется в кучке парней-одноклассников, то идет обнимать свою старуху в зеленом платье. И, поймав на себе заинтересованные взгляды «старшаков», я знала, что сегодня я – главная русалка и принцесса вечера, потому что никто и никогда до этого не приглашал меня на танец, а тем более – выбрав из сотен, тысяч, а точнее, из двух, но, учтите, взрослых и накрашенных девчонок!

Минут через сорок Саша и его Юлька засобирались. Юлька взяла меня за руку. Мы разбудили в туалете Таню, оделись и выскользнули из школы в тягучую северную ночь. Дошли до дому. Саша, как в первый день нашего знакомства, позвонил в мою дверь. Дверь открыла почему-то заплаканная мама. Я, ничего не объясняя, шмыгнула в свою комнату, открыла тетрадь по ОБЖ и написала свое первое в жизни стихотворение:

Зима холодит ладони
В заиндеветую стужу
Скачут январские кони
Я все же кому-то нужен.

Весной мы уехали из этого странного города безымянных улиц, но уже без папы. Папа вернулся только спустя три месяца.

Роман Сенчин⁶ Моя Тува

...О Туве большинство людей или не слышали вовсе, или знают лишь, что оттуда родом нынешний министр обороны России Сергей Шойгу и что там президент Путин поймал большую щуку. Но Тува – красивейший край со сложной и запутанной судьбой, которая в моем кратком и наверняка не всегда точном пересказе, быть может, кому-то окажется интересна и полезна.

С Москвой, в которой провел двадцать лет, у меня связаны два адреса: общежитие Литературного института на улице Добролюбова и семнадцатизэтажный дом на проспекте Андропова.

Дом на Андропова не имел двора: выходишь из подъезда и сразу попадаешь в суету города – буквально в нескольких шагах шумная магистраль, магазинчики и киоски, станция метро. Каждую секунду нужно быть начеку, чтобы с кем-нибудь не столкнуться, не попасть под разворачивающуюся на узком пятачке перед минимаркетом машину.

От того, чтобы не захлебнуться в городской круговерти, спасает близость Коломенского парка... Нельзя сказать, что я часто там бывал – то времени не хватало, то энергии дойти, погулять. Но когда выбирался, стремился в овраг, разделявший территории двух находившихся здесь когда-то сел – Коломенского и Дьякова. На дне оврага бежит ручей, из труб льется ледяная вода. Рядом с трубами поваленные столбики с табличками, предупреждающими, что пить эту воду опасно. Но люди набирают ее в бутылки, бидоны, канистры. Утверждают, что она целебная, чуть ли не чудодейственная. Частенько можно встретить омывающихся ею.

Есть в овраге два камня. По преданию, это голова и внутренности коня Георгия Победоносца. Если верить коломенским старожилам, часто дежурящим в овраге, бой Георгия со змеем произошел именно здесь, и змей, уже пронзенный копьем, сумел хвостом разрезать коня на куски. И вот эти куски окаменели, два из них частично выступают из земли.

На камень, действительно очень похожий на клубок кишок, садятся страдающие бесплодием женщины. Считается, что он помогает зачать ребенка. Деревца и кусты вокруг камня пестры от тряпичных ленточек. Эти красные, голубые, белые кусочки ткани напоминают мне тувинскую чаламу: в Туве тоже есть традиция украшать деревья и кусты вблизи священных мест цветными ленточками.

Это, говорят, языческая традиция, противная христианству, но я, если есть возможность, тоже привязываю на ветку или прут ленточку. И вспоминаю Туву – землю, где родился и жил до двадцати двух лет.

В последнее время вспоминаю все чаще. Даже тоскую. Тосковал в Москве, а теперь в Екатеринбурге, в который переселился не так давно и пока как следует не изучил... Тянет к себе малая родина. (Многих, знаю, родившихся в Туве или хотя бы раз там побывавших она к себе тянет.) И будто тяжелые, вымывающие силы волны, накатывают воспоминания. Тогда я послушно ложусь на диван и вспоминаю, гуляя в воображении по улицам Кызыла, столицы Тувы, сижу на берегу Енисея, бегаю по степи, гоняясь за сусликами, готовлю удочку для рыбалки, собираю то черемуху, то конские яблоки для удобрения нашей дачки; смотрю «Сыщика» в напоминающем сарай кинотеатре «Пионер»...

---

⁶ Роман Сенчин (род. в 1971 г. в Кызыле Тувинской АССР) – прозаик, литературный критик, преподаватель литературного мастерства, вокалист групп «Гаражная мелодика» и «Свободные радикалы». Автор множества критических статей, а также книг «Елгышевы», «Информация», «День без числа», «Абсолютное соло», «Изобилие», «Зона затопления», «Дождь в Париже» и др.

Много с чем связана для меня Тува, но память удерживает не всё, и этот край, по которому вроде бы изрядно поездил, который неплохо узнал, постепенно затуманивается, заслоняется другими впечатлениями, событиями, а в основном же – хламом мелких проблем, потоком никчемных, но необходимых дел. И визиты на родину на пять, семь, десять дней раз в несколько лет не делают Туву реальной, не способны разогнать туман. Ведь наложились на нее Питер, армейская служба в Карелии, Минусинск и село Восточное под Минусинском, Абакан, Москва, Берлин, Париж, Франкфурт, десятка два городов в России... Воображение рисует картинку то ли действительно бывшего, то ли придуманного, невольно нафантазированного мной.

И чтобы попытаться отделить реальное от придуманного, я решил записать некоторые свои личные воспоминания, факты, вычитанные в книгах о Туве. Может быть, пригодится самому или окажется полезно тем, кто интересуется этим уголком на юге Сибири... Этот уголок – моя родина, от которой я отделен тысячами километров, делами, обязанностями, так называемой ежедневной жизнью, которая держит крепче стальных клещей. А то ли мозгу, то ли душе не прикажешь – что-то там крутит и крутит некую пленку с неясными кадрами и требует навести резкость, замедлить скорость, нажать кое-где стоп-кадр и разглядеть детали.

Какие мои личные воспоминания о Туве? Что меня с ней связывает?..

Как и большинство русских людей, я почти не ведаю о своих предках, даже о бабушках и дедушках мне известно очень мало. Да и ничего удивительного в этом нет: мало кто в советское время рассказывал детям о прошлом своего рода, о судьбах родных – могли привести такие воспоминания к неприятным последствиям (в 1970-е, когда я был ребенком, – к неприятным, а раньше – может быть, и к трагическим).

Знаю, что мой отец родился в Красноярске в 1944 году. Его мать, моя бабушка, Наталья Семеновна, в девичестве Дрянных (из-за фамилии ее брата-фронтовика не хотели принимать в партию), уроженка села Суханово Сухобузимского района Красноярского края, работала в годы войны в одном из красноярских госпиталей медсестрой. Там она познакомилась с тяжело раненым (сквозное ранение груди) Петром Платоновичем Сенчиным. Они поженились, у них родились двое сыновей – мой отец, Валерий, и мой дядя, Геннадий. Дед построил дом в Красноярске, в районе под названием Покровка, там, где стоит на высоком яру символ города – часовня. Дед Петр умер от раны в 1955 году, когда моему отцу было всего одиннадцать лет.

В 2014-м отец тяжело заболел, и его отправили в больницу в Красноярске. Перед операцией мы с ним заехали в его родной район. Отец пытался найти домик, но все оказалось перестроено, никого из знакомых мы не встретили...

Дед Петр, родом из Нальчика (или, скорее всего, из какой-нибудь станицы возле этого города), попал в один из красноярских госпиталей, которые были самыми восточными пунктами санитарной эвакуации, в 1942-м или 1943-м. Сюда направляли безнадежных, непригодных для дальнейшей службы бойцов. Многие умирали от осложнений после ранений – дорога до Красноярска была долгой, во время войны – неделя и больше, но другие выживали, вставали на ноги, казалось, вопреки всему... Когда я прочитал в биографии священника-хирурга Войно-Ясенецкого, какие чудеса он творил в Красноярске в 41–43 годах, мне захотелось верить, что этот замечательный человек спас тогда и моего деда.

Бабу Наташу я помню, родители привозили нас с сестрой Катей в Красноярск; она жила в том же домике, у нее был уже другой муж – тогда, в моем детском представлении, мой родной дед, деда Коля. Бабушка умерла в начале 80-х, с той поры в Покровке я не был много лет, хотя в Красноярск время от времени попадал. Видел в окне автобуса, по пути в аэропорт, часовню на яру, длинные лестницы к ней, речку Качу у подножия яра, в которой мой отец лет шестьдесят назад ловил пескарей, и не из удовольствия, а для прокорма...

Отец с детства занимался классической борьбой, побеждал на соревнованиях, но после травмы вынужден был уйти из спорта. Работал на комбайновом заводе, во время службы в

армии (служил в Польше) занимался в театральной студии. Режиссером там была Людмила Бузина, которую позже пригласили в Тувинский драматический театр. Собирая труппу, она вспомнила о моем отце, нашла его, уговорила переехать в Кызыл. В Кызыле отец встретил мою маму, актрису того же театра. Они поженились, некоторое время работали в Минусинском театре, потом вернулись в Кызыл. Мама еще некоторое время служила актрисой, а отец устроился монтажником на строящуюся под Кызылом ТЭЦ, которая теперь обогревает Кызыл и поселок Каа-Хем...

С Тувой по рождению связана моя другая бабушка – мамина мама, Валентина Мартемьяновна. Она родилась в 1922 году в русском селе Верхне-Никольском (ныне – Бай-Хаак), знала немного тувинский язык и иногда им пользовалась.

(Кстати сказать, русские поселения в Урянхайском крае образовывали почти правильный круг: на севере Туран и Уюк, на северо-востоке деревни и заимки в районе Тоджи, на востоке Верховье, на юге Владимировка, Кураны, на юго-западе Сосновка, Верхне-Никольское, Атамановка, на западе – торговые фактории в районе нынешнего города Шагонара и на реке Хемчик. Почти в центре этого круга в 1914 году был заложен Белоцарск.)

Точно не знаю, когда родители моей бабушки приехали в Урянхай. В 1993 году мы оказались в селе Восточное на юге Красноярского края, и мама вспомнила, как ее бабушка, баба Катя (Екатерина Михайловна Медведева), рассказывала, что в юности жила в «Востошном». По всем приметам, это было как раз то Восточное. Может, родители бабушки решили перебраться за Саяны в новые земли или муж увез...

Муж ее, мой прадед, Мартемьян Васильевич Шаталов, был из Тобольской губернии, родился в 1883 году. Он считался грамотным человеком – окончил четыре класса церковно-приходской школы.

Моя мама родилась в 1943 году в Красноярском крае, в селе Викторовск Северо-Енисейского района. Там в то время жили ее родители... До войны бабушка Валя была замужем, но потом развелась, вышла за другого – Павла Васильевича Червоненко, родом из Новосибирской области (семья была переселена из-под Полтавы во время Столыпинской реформы) – продавца, из-за травмы глаза не попавшего на фронт. Он обучил бабушку торговле, увез из Тувы на север – на золотые прииски. Бабушка много рассказывала мне о лагерях, врачах-врачителях, пленных японцах, десятками умиравших от холода и плохого питания... Да, много чего рассказывала, но почти все забылось, смешалось с прочитанным позже...

В конце 40-х годов бабушка, дед Павел и их дочери Валентина и Галина вернулись в Туву. Бабушка с дедушкой разошлись. (Позже баба Валя вышла замуж за Семена Степановича Шмелёва, уроженца Минусинска, шофера.)

Бабушка работала продавщицей в разных селах республики. Остались фотокарточки, где она за прилавком или возле магазина. Интересны надписи. Вот она показывает ткань покупателям; на стене портрет Ленина, а ниже – табличка: «Полка стахановцев шахты. Лучшие товары горняку-стахановцу». А вот стоит на крыльце. Над дверью магазина красивая, как рыцарский герб, вывеска: «Центросоюз. Раймаг Барун-Хемчикского района».

(В конце 80-х дед Павел приезжал в Кызыл – сам он жил на юге Красноярского края, – нашел мою маму, несколько дней пожил у нас. Все вспоминал, как, уезжая с золотых приисков, обхитрил охрану: зашил золото в помпончики на шапочках дочек, так и вывез. Золото это потом очень им помогло...)

Постепенно вся семья моей бабушки собралась в Кызыле, в районе, известном под названием «Кожзавод». Этот завод был построен в 30–40-е годы, его окружили избышки, огороды. Место живописное – низина в пойме протекающего справа Енисея, с левой же стороны, у подножия крутого древнего берега Енисея, журчит речка Тонмас-Суг (название облегчили до Тамасук), быстрая, не замерзающая даже в сорокаградусный мороз. (И в такой мороз в нее ныряют крошечные птички оляпки, что-то выискивая на дне.) Правда, хозяйева окрест-

ных домов до предела ее замусорили – берег превращен в свалку, в самой речке потопленные покрышки, кузова машин, битые кирпичи, стекло.

Раньше почти каждую весну Кожзавод затапливало, по улицам ползали льдины, сносили заборы, давили кур и поросят. Затем была насыпана дамба, лед на Енисее стали подрывать, но наводнения иногда все же происходят.

На Кожзаводе моя родня построила несколько изб и однажды снялась вся вместе. Фотокарточка сохранилась.

Под большим тополем сидят прадед и прабабушка, Мартемьян и Катерина, старые, но основательные, преисполненные достоинства. Прадед с окладистой бородой, взгляд одновременно суровый и мягкий; прабабушка полная, в теплом платке, лицо умиротворенное. Большие, широкие руки у обоих лежат на коленях... Вокруг них стоят человек двадцать. Кого-то узнаю – баба Валя, ее старшая сестра Анна, моя мама, ее родная сестра Валентина, их сродные сестры и братья Галя, Маша, Володя, Ваня... Но много и незнакомых. Не знакомых мне, но по крови родных...

После окончания школы моя мама поступила в театральное училище, работала в театрах Барнаула, потом Дальнего Востока, потом в Кызыле. Осталось много фотографий со спектаклей. Маме прочили большое актерское будущее, но она, как говорится, выбрала семью, детей, ушла из театра.

Отцу, как работнику ТЭЦ, дали коттеджик рядом с самой ТЭЦ. Здесь прошли мои первые месяцы жизни, может быть, здесь бы я и вырос, но однажды во время бури произошло короткое замыкание и несколько коттеджиков сгорело. Следы того пожара встречаются мне до сих пор – в домашней библиотеке есть раздутые от воды книги, в альбомах хранятся фотографии с обгоревшими краями... Помню, через много лет после пожара мы оказались всей семьей рядом с местом, где когда-то стоял коттедж. Мама попросила отца остановить наш «москвич». Участок был до сих пор не застроен, среди полыни заметно пятно старого пожарища. Отец закурил; мы с сестрой (нам было лет по десять-двенадцать) с любопытством осматривались. Мама взяла какую-то палку, поковырялась ею в углях и вывернула ржавую гардину. «Она у нас в большой комнате висела», – вспомнила и заплакала.

После пожара родители со мной маленьким недолго пожили в избе моей бабушки и ее мужа, Семена Степановича, а потом въехали в трехкомнатную квартиру в доме на центральной улице города – улице Кочетова, рядом со сквером, метрах в трехстах от единственного в то время в Кызыле моста через Енисей.

Дом был четырехэтажный, кирпичный, в то время еще довольно свежий... Хотел написать «благоустроенный», но вспомнил титан в ванной – печку с огромной, до потолка, емкостью для воды. В банный день отец рубил возле подъезда какие-то палки на растопку (дрова хранили в подвале, в то время не разоренном, – у каждой семьи имелась клетушка для вещей, дров, картошки). Мытье было событием; мама заправляла постели свежим бельем.

В детстве квартира казалась мне огромной, таинственной. В ней была темнушка, а в отцовском кабинете – закуток, где стояли коробки и ящики, в которых мне не разрешали копаться (наверное, хранились там обгоревшие книги, остатки обстановки погибшего коттеджика). Позже стену темнушки сломали, чтоб увеличить спальню, а коробки из закутка исчезли, и там поселился дог по имени («кликча» не подходит) Сэм и по фамилии Гарс. Отец привез его из Красноярска еще щенком, но для нас с сестрой он уже тогда был большим, высоким, как лошадь. У Сэма была медаль за отличие на собачьей выставке и документ с печатью, где перечислялись его родственники из нескольких поколений.

Сэм прожил шесть с половиной лет. Рос вместе со мной и сестрой, но, как и положено собакам, повзрослел и постарел очень быстро. Из задиристого молодого пса, дерущегося на прогулках с овчарками (растаскивать их было сложно даже взрослым), срывающегося с поводка и путешествующего по городу, пугая своими размерами кызылчан, резвящегося так,

что стулья летали по квартире, он стал степенным, с седоватой шерстью (а был черным, лишь на груди – белое пятно), спокойным дядькой.

На нашей Рыжухе – 412-м «москвиче» – мы всей семьей часто ездили за город, порой довольно далеко. Впятером (включая Сэма) уместиться в салоне было непросто. Мама или я садились на переднее сиденье, а Сэм растягивался на заднем, и между его лапами устраивались два человека. Часами Сэм лежал неподвижно (каждое его движение сталкивало бы людей с сиденья), лишь морду тянул к приоткрытому окну, откуда тек свежий воздух.

Запомнился такой случай. Однажды подъезд заволокло едким дымом. Мама испугалась, что это пожар, и позвонила 01. Но пока пожарные ехали, дым рассеялся. Видимо, кто-то в подвале сжег фотопленку или таблетку от грибка. Не обнаружив ничего подозрительного, пожарный постучал к нам и стал высказывать неудовольствие тем, что их потревожили, угрожал штрафом. Но тут из-за мамы высунулась огромная голова Сэма. Пожарный побледнел, извинился и спиной вперед спустился на улицу... Сэм становился невольным виновником мелких аварий – водители засматривались на него, теряли управление.

Умер он на моих глазах. Ночью вдруг страшно взвыл, задержался и обмяк. Вскрытия не делали, кое-как погрузили в «москвич», похоронили на даче... С тех пор к собакам я отношусь почти равнодушно. Никто Сэма мне не заменит...

Родители очень любят животных... Отец постоянно приносил то подраненного стрижа, то ежика, то зверька колонка, в степи бросившегося на его машину и сбитого. Колонка назвали Колей, поселили в загородке на кухне, чтоб оклемался, и при каждом приближении человека Коля выпускал струю вони; в итоге, когда он стал вырываться из загородки, отец отвез его обратно в степь... Как-то во время обеда мы увидели, как с дерева (был сильный мороз) упал голубь. Отец выбежал, принес его. После того как согрелся, наклевался крупы, он был отпущен.

Особенно мне запомнился Жура – журавль с поврежденным крылом, которого отец откуда-то привез. Жура привязался к нам так, что ничего не давал делать – путался под ногами. Если копали землю, он тоже кидался на лопату, желая работать, если перебирали картошку, брал клювом клубни и бросал в ведро. Ревновал отца к кошке и собаке – даже кормить их не давал. Сестра бегала по двору и размахивала руками, а Жура скакал рядом, расправив крылья. Это называлось «учиться летать». Однажды он исчез – может быть, действительно улетел...

В конце 1970-х – начале 1980-х Кызыл активно перестраивался, облагораживался. Нашу улицу Кочетова (ее назвали в честь красного партизана, одного из руководителей Тувы в первые десятилетия советской власти – Сергея Кузьмича Кочетова) раскопали, заложили под нее огромные трубы, заодно расширили; снесли какие-то сараюшки рядом с кинотеатром «Пионер» (потом «Отчугаш»; теперь в нем расположен Дом русской культуры). Снесли в том числе и тир.

Сам тир я почти не помню, а вот как искали под его вскрытым полом монеты, представляется до сих пор очень ярко. Мы с пацанами играли в искателей клада, и каждый найденный среди мусора двоячок, пятак становился драгоценным золотым пиастром... Некоторые монеты были дореформенными – 40-х, 50-х годов – и ценились особенно высоко. Кстати, они находились в обороте до начала 90-х наравне с выпускавшимися после 1961-го.

В октябре 1984 года в Туве отмечалось сорокалетие вхождения республики в состав СССР. К этой дате в центре Кызыла построили первый девятиэтажный дом; между дворцом правительства и музыкально-драматическим театром забил фонтан, выполненный в национальном стиле (вырезанные из камня яки, по-тувински «сарлыки»). По Кызылу стали ездить длинные оранжевые «Икарусы», прозванные в народе «гармошки». Сиденья, помню, были в целлофане... Поначалу некоторые кызылчане просто катались в этих автобусах, наслаждаясь удобством и новизной, тем более что проезд стоил всего четыре копейки, да и те платить было необязательно: в салоне находилось несколько билетных аппаратов – ящики с прорезью для монет и ручкой сбоку. Можно было бросить двоячок и накрутить штук пять билетов – на всю

компанию. Кондукторов в то время в Кызыле не знали, контролеры появлялись очень редко, и то на конечных остановках.

Праздник сорокалетия Советской Тувы проходил на стадионе «Хуреш» (названном так в честь национальной борьбы) в глубине Парка культуры и отдыха, на берегу Малого Енисея. Что там происходило, на стадионе, я не видел: нас, пионеров, держали за трибунами и в определенный момент группу то из одной школы, то из другой выгоняли на поле исполнить свой номер. Группа, в которой был я, исполняла танец маленьких утят.

Перед праздником мы несколько недель репетировали этот очень модный тогда, гэдэ-эровский, кажется, танец на спортплощадке. «На шагающих утят быть похожими хотят...» Сперва репетировали в школьной форме, а потом нам выдали белые костюмы, напоминающие исподнее... Очень было неловко стоять в этих белых одеждах, стыдно приседать и вертеть задом на глазах тысяч людей.

Но вообще атмосфера была праздничная, погода отличная – светлый, сухой, совсем не осенний день. По дорожкам парка гуляли люди, смеялись, ели мороженое, которое в обычное время в Кызыле было не найти (хладокомбината не было, привозили из-за Саян).

Тогда, в 1984 году, никто, наверное, не предполагал, что через несколько лет Тува станет для многих враждебной территорией, с которой нужно будет скорее бежать...

На моей памяти в Кызыле всегда были довольно суровые нравы. Дело даже не в межнациональной вражде, которая, в общем-то, существовала всегда, то обостряясь, то почти (но – почти) исчезая. Скорее, дело в составе русского населения, которое до конца 80-х было в городе подавляющим.

Люди здесь жили активные, переполненные энергией. Это были дети и внуки первых переселенцев, ссыльных и каторжан, или добровольцы, приехавшие благоустраивать «молодую Туву» после 1944 года, а также отбывшие срок уголовники (вокруг Кызыла находилось несколько колоний строгого режима). Но выхода их энергии почти не было, а было, скорее, ощущение запертости в этом «каменном мешке» и злость разочарования у тех, кто ехал в Туву в надежде построить особый мир (позже такое же разочарование я встретил у жителей забытых городков на БАМе). И особенно явно эта нерастроченная энергия и злость проявлялась у молодежи.

Русская молодежь враждовала между собой. Дрались квартал на квартал, ребята с правого берега Енисея готовы были убить тех, кто жил на левом. Парень с Найырала (район вокруг центрального кинотеатра) не мог безнаказанно ухаживать за девушкой с Пионера (район вокруг кинотеатра, который находится от силы в километре от центра)... Денежные разборки случались редко, грабежи были нечасты – в основном калечили друг друга бескорыстно. В 70-е в Туве существовало хулиганство, затем, в середине 80-х, к нему присоединились бандитизм, межнациональная рознь, а в начале 90-х – уже открытая бандитская война: парни в машинах без номеров гоняли по городу и палили из автоматов, нападали на милицейские посты... И – похороны, похороны молодых парней на унылом, в каменистой степи кладбище, и известия об арестах, судах, сроках...

Такое на стыке 80-х и 90-х происходило по всей стране, но в небольших городах (а население Кызыла в то время составляло тысяч 80 – всех можно было рассадить на трибунах «Лужников») выкашивание молодежи молодежью виделось особенно отчетливо, и оставаться в стороне от смертоносного вихря было сложнее.

Да, много погибло парней в драках или было убито просто так (в темное время по городу ходили, и до сих пор ходят, в основном лишь большими компаниями); в 80-х нередко привозили и груз 200. Люди шептались, что это из Афганистана, но официальной причиной гибели солдат значились несчастные случаи в Таджикистане, Туркмении...

Вернувшись в декабре 1991 года, после более чем двухлетнего отсутствия, в Туву (начала учеба в строительном училище в Ленинграде, затем служба в погранвойсках), я застал в

нашем дворе, объединявшем три четырехэтажки, лишь одного приятеля детства, да и он явно был на грани тюрьмы или кладбища. Из пяти одноклассников, с которыми я закончил в 1989-м десятый класс, все были живы и на свободе (двоих посадили позже, в середине 2000-х), но одного из них чуть не убили: стоял он на улице, мимо пробежал парень-тувинец и ткнул в живот заточкой. Ни с того ни с сего. По крайней мере, так он рассказал...

Я пошел в школу в 1979 году. Школа № 15 была самой новой в то время. Три этажа, стандартный козырек перед входом; за школой теплица и огородик, физплощадка с футбольным полем. На этом поле после чемпионата мира в Мексике мы, назвавшись каждый именем великого футболиста, – я, например, выбрал имя Сократес, – часами играли в футбол. (Но перед этим минут двадцать убивали на то, чтобы очистить поле от камней, палок, а особенно от стекол, которые появлялись там каждый день, зато не росло ни травинки.)

Учился я неважно. С начальных классов желание что-то узнать на уроках тонуло в чувстве протеста. Я просто не понимал, зачем мне знать наизусть словарные слова или таблицу умножения, правила деления, постулаты Бора, и даже не пытался вникнуть в математику, физику, химию, биологию, русский язык, немецкий язык. (Лучше было с историей, географией, литературой, правда, читал я всегда не те параграфы, какие мы проходили, и потому оценки у меня и по этим предметам редко бывали выше тройки.)

Однажды, когда наша классная руководительница Галина Григорьевна, преподававшая алгебру, оставив меня на дополнительное занятие, стала объяснять что-то подробно и простыми словами, я почувствовал кайф от процесса счета, но тут же этого испугался и снова предпочел не понимать. Теперь жалею.

Жалею о многом. Что не знаю нотной грамоты, не умею танцевать, не играю ни на одном инструменте, не занимался как следует шахматами, не научился плавать, рисовать, кататься на коньках... Мама водила меня из кружка в кружок, упрасивала, убеждала. А я упирался.

Вообще, я был домашним ребенком. В садик ходить не любил, на улице играл редко, да и то лет до двенадцати. Зато много смотрел телевизор, листал и перебирал книги (у нас была большая библиотека), но чтением в то время не увлекался. Художественную литературу терпеть не мог, считал ее враньем, пустой выдумкой.

Одно время всерьез занимался историей (ранним Средневековьем, Гражданской войной в СССР, периодом Великих географических открытий), но просто изучать исторические книги мне было скучно, и я стал пытаться обобщать сведения из разных книг, записывая в хронологическом порядке разные факты об одном и том же событии в тетради. Но и это быстро надоело, потребовались фигуры, которыми бы можно было связать события. И так как исторические фигуры чаще всего появлялись в документах эпизодически, я выдумывал судьбы героев – например, рыцаря, который прожил лет девяносто, участвовал во всех значимых событиях своего века, или простого солдата, чья фамилия раз мелькнула в каком-либо источнике, которого я делал прошедшим все испытания Гражданской войны 1918–1922 годов... Особенно много таких людей с необыкновенными судьбами было у меня среди путешественников – один даже умудрился поплавать и с Колумбом, и с Магелланом... Лет с четырнадцати меня больше стал интересовать окружающий мир, события собственной жизни.

Делая вид, что учу домашние задания, я писал рассказы и повести, переписывал их по несколько раз, заботливо сохранял черновики... Писать я начал, видимо, подражая отцу. С детства видел его за столом в окружении исчерканных листов или за пишущей машинкой.

Иногда его рассказы выходили в газете «Тувинская правда», в альманахе «Улуг-Хем»; отец отправлял рукописи в центральные журналы, но оттуда приходили обтекаемо-отрицательные ответы... Позже, познакомившись с устройством работы толстых журналов, я узнал, что из самотека публикуется хорошо если одна рукопись в десятилетие...

Много лет отец писал роман под названием «Урянхай» – о Туве накануне принятия под протекторат России. Собирал материалы в фондах Минусинского музея (крупнейшего музея

Южной Сибири), когда меня еще не было на свете, а оставил работу над романом, когда мы поселились в селе Восточном в 93 году. Несколько лет назад отец передал мне рукопись «Урянхай»; иногда я пытаюсь набирать роман на компьютере, мечтаю издать его, но быстро оставляю работу: слишком больно становится. Накатывают тяжелые, душасшие воспоминания, и опускаются руки... Бывает такое: то, на что одним человеком потрачено слишком много сил, становится неподъемно другому. Так же, видимо, и с романом отца. Я не могу его осилить.

Помню, как отца критиковали за название, настоятельно советовали изменить его («урянхай», по распространенной версии, переводится с монгольского как «страна оборванцев», что, в общем-то, не доказано), но потом появился роман тувинского писателя Михаила Монге «Урянхайцы», стал издаваться журнал «Урянхай»... Или такой факт: как-то отец дал почитать рукопись приятелю-писателю Вячеславу Бузыкаеву, а потом увидел в новой книге того детали из своего романа...

Да, многие годы отец переписывал, переделывал «Урянхай», менял стиль, вставлял, убирал эпизоды, менял местами главы, копался в архивах. Хотел написать большую, настоящую книгу... У него вообще характер максималиста. Поэтому, наверное, он не мог работать подолгу на одном месте, хотя нередко занимал довольно высокие посты, на какие в то время беспартийных, как правило, не допускали. Например, был председателем Всероссийского общества автомотолюбителей. Это общество считалось добровольным, но на деле в него входило абсолютное большинство владельцев автомобилей, мотоциклов: не миновать ВДОАМ было тем, кто хотел получить права, оценить свое транспортное средство. Отец пытался развивать автосервис, улучшить технику обучения, добивался строительства картинговой трассы... Но в конце концов поняв, что ничего ему не улучшить, перенеся несколько сердечных приступов, плюнул и уволился.

Так бывало несколько раз. Случалось, что он подолгу нигде не работал, жил в доме на Кожзаводе (бабушка с дедушкой переехали тогда – как оказалось, на время – в Минусинск, где у деды Сени была большая изба). Отец устроил огород с парниками и отапливаемой теплицей, завел кроликов, и мы сколотили просторный крольчатник... С кроликами связывались несколько раз, но очередная эпидемия уничтожала все племя. Иногда в несколько сотен. Были и благополучные периоды, и тогда повсюду висели на правилках шкурки, а морозильники были забиты тушками...

В Туве сложно без автомобиля. Многие, в том числе и мои родители, использовали для поездок по грибы, по ягоды служебные «москвич» или УАЗ (в советское время это было обычным делом), но все-таки хотелось личную машину. Чтобы заработать деньги, занялись кистями.

Несмотря на то что в начале 80-х получили распространение валики, пульверизаторы, люди еще всю белили ковыльными кистями. Даже предприятия их покупали. Вообще этот промысел был довольно доходным, но и трудоемким. Одно время, на стыке 80-х и 90-х, наша семья в основном благодаря ему и выживала.

Ехали в степь, находили лог, где рос высокий, крепкий ковыль, и рвали его. Если слабо захватить ковылевые нити, то, когда тянешь, можно серьезно порезать пальцы, поэтому в захват и рывок нужно вкладывать максимальную силу. В итоге в кулаке остаются пятнадцать-двадцать нитей; их кладешь между согнутой в локте левой рукой и грудью, рвешь новые пятнадцать-двадцать нитей...

Выезжали за ковылем на два-три дня, набивали машину под завязку. (Некоторые, особенно не имеющие транспорта, проводили «на кистях» по месяцу, жили в шалашах или палатках; там же, в степи, вязали кисти.)

Затем ковыль нужно было просушить, лучше всего в защищенном от солнца месте, чтобы он не пожелтел, а после, желательно не затягивая, чтобы нити не стали ломкими, вязать. Вязал кисти только отец, а мы с сестрой и мама в это время убрали из ковыля дудки, мусор.

У отца был широкий монтажный ремень, к которому прикреплялся тросик с дощечкой для ноги – своего рода рычаг. Пук ковыля зажимался тросиком и связывался крепко-накрепко бечевкой. Потом на месте вязки ковыль выворачивался, чтобы получилась шишечка, и вокруг шишечки связывался еще раз. В центре шишечки образовывалось углубление, в которое позже, перед побелкой, вставляли черенок.

Конец кисти выравнивался топором, после чего изделие клали на стеллаж. Когда кистей скапливалось достаточно, везли на приемный пункт или на базар. Перед Пасхой их очень хорошо покупали – народ белил дома и квартиры, готовился к празднику...

За годы жизни в Кызыле у нас было четыре дачи, но со всеми нам не везло.

Участок под первую мы получили в начале 80-х в живописном месте – вокруг тополевого лес, под боком протока Енисея, которая весной становилась полноводной, а к осени мелела, почти высыхала (в лужах кишели мальки). Соседей вокруг не было, и мы называли этот участок поместьем.

Отец огородил землю длинным штакетником – «макаронником» (ставить глухой забор посреди леса казалось кощунством), стал копать яму для бассейна, забил колодец, положил первые венцы сруба бани. Были посажены фруктовые деревья (каждую осень их утепляли соломой, тряпками), разбита делянка «виктории», вскопано поле для картошки. Но вскоре на дачу повадились воры, точнее не воры даже, а, наверное, рыбаки, которым нужно было картошечки для ухи, лучку; они ломали макаронник, топтали грядки. К тому же участок в одно из половодий довольно сильно затопило, «виктория», деревья погибли. Как раз в то время освободился дом на Кожзаводе, и родители решили дачу продать.

Кстати, неподалеку от этой первой дачи находится одно из моих любимых мест на земле.

Если идти по проселочной дороге от дачи на запад, то окажешься на песчаном полуострове. Справа – тихий тенистый залив, в котором, кажется, полным-полно щук (хотя рыбаков на полуострове я почти не встречал), а слева – та протока. Постепенно полуостров становится уже и уже, превращается в тонкую песчаную косу, на которой торчат невысокие редкие прутья тальника. Самый кончик косы режет течение Енисея; и вот там, на этом остром кончике, так приятно стоять, глядя на сверкание мчащейся воды, на бордовые скалы на правом берегу и на тополевого лес на левом. Словно не на земле стоишь, а на воде. Вернее, летишь на ней.

Стоять так можно часами – завораживает это место, наяву усыпляет...

Несколько лет дачей нам служил дом на Кожзаводе, но, когда бабушка с дедушкой вернулись (прижиться в Минусинске им не удалось), отец получил новый участок земли. Был он довольно далеко от Кызыла – за горой, называемой Бомом («бом» – это скала или гора, нависающая над рекой или ущельем).

До сих пор эта местность вызывает у меня одновременно и отвращение, и восхищение. Очень красиво, но человек и человеческие жилища там – нечто инородное, нелепое, и природа выдавливает тех, кто пытается поселиться... Рядом, буквально в ста метрах, Енисей, а земля сухая, скудная, усеянная обломками камня-плитняка. Иногда плитняк выпирает наружу острыми краями, и представляется, что это хребет какого-нибудь стегозавра... Дождей там почти не выпадает.

Не знаю, чем руководствовались те, кто выделял на этой пустоши сотки под дачи, но еще сильнее удивляют решившиеся разбивать там огороды, строить домики. Наверное, угроза голода на стыке 80-х и 90-х заставляла обустраиваться в настоящей азиатской степи, где царствуют лишь караганник да ковыль. Да еще клещи...

Люди везли чернозем и перегной, колотили заборы, ставили сараюшки, дома, забивали колодцы. Но уже тогда лично я был уверен, что это всё на время, что степь победит, хотя и работал искренне, не отлынивая (а что было делать? – свой клочок земли был тогда единственным спасением от возможной катастрофы, которая бросит народ в первобытное состояние).

В итоге степь победила. Году в 2011-м я оказался в той местности и не поверил глазам: ни следа того, что лет двадцать назад здесь было что-то построено, а почва была удобрена тоннами плодородной земли. Так же покачивается ковыль, торчит караганник, ближе к Енисею зеленеет крапива, которая зеленела здесь до всяких дач (помню, мы приезжали сюда давным-давно рыбачить). Лишь в одном месте, как какая-то огромная кость, белеет обломок стены. И все, ничего больше.

Правда, степи помогали снова стать дикой. Конечно, воровали, лазали в сарайки, но самым обидным было такое: на ночь на некоторые участки загоняли овечьи отары. Что ж, чабанам удобно, а все, что росло внутри участка, наутро было вытоптано, выщипано, вытравлено.

Отец ночевал на даче, охранял посадки. В первое же лето мы построили большую теплицу для помидоров, и урожай был неплохой. Колодец еще не забили, и воду приходилось возить на «москвиче» из Енисея в баках и канистрах... Года три продержались мы на этом месте и в итоге решили, что толку не будет. Тем более что я, закончив школу, решил ехать в Ленинград, получил вызов в строительное училище; приближалась и армия. Дачу за Бомом бросили.

А сил потрачено было море. И здоровья. Мама там, в этой степи, на холодном, едком, как сквозняк, ветру заболела бронхиальной астмой...

Четвертая дача появилась в 90-м. Родители купили ее уже готовой – с двухэтажным кирпичным домом, под которым находился гараж, с времянкой и баней, с удобренной землей. На некоторых соседних дачах постоянно жили люди – меньше шансов, что воры открыто будут хозяйничать.

На этой даче, вернувшись из армии, я провел весь 92-й. Общаться с людьми, встраиваться в изменившуюся за два года жизнь было непросто и как-то противно. Казалось, что правильнее всего – ни с кем не связываться, ни во что не ввязываться. Запершись в доме, я читал книгу за книгой (теперь предпочитал художественную литературу), бился над своими, написанными в 86–89 годах, повестями и рассказами, пытаюсь довести их до того вида, в котором они понравились бы мне самому.

Переписывал и то, что набросал в армии. А привез я оттуда три девяностостраничных тетради прозы, стихов и дневников. Однажды во время шмона их конфисковали офицеры (нашли под матрацем), но потом вернули с предупреждением, что если еще раз обнаружат, то бросят в топку в кочегарке. Весной 1993-го я сам бросил их в печку, устав от попыток извлечь оттуда что-то дельное... Да, от того периода мало осталось в моем нынешнем архиве, но те многочасовые сидения за столом, лежания на печке с тетрадями вспоминаю с удовольствием и тоской, – редко когда с таким увлечением, вдохновением (прошу извинить за высокопарность) писалось позже.

На этой печке, кстати, большой, но слабо гревшей, я однажды чуть не погиб. Были сильные морозы, кирпичный дом вымерзал моментально, даже обогреватель не помогал, и спать на кровати я не решался. В тот вечер, как следует протопив печь, залез на нее. Проснулся в белом едком тумане, соскочил на пол, задыхаясь, выбежал на улицу. Когда дом слегка проветрился, стал искать причину дыма. Оказалось, стала тлеть подушка...

Дачу эту мы отдали за бесценок осенью 1993 года. Тогда в Кызыле и квартиры, и дачи стоили копейки – люди всюду выезжали за Саяны. (Интересно, что, продав тогда же гараж, мы на эти деньги купили домик в селе Восточное, где сейчас живут мои родители; за дачу мы получили «Москвич-2141», который потом постоянно ломался, и еще какие-то деньги, которые ничего не стоили, а за трехкомнатную квартиру в начале 1994-го даже не помню, сколько нам заплатили, какую-то мелочь или, может, миллионы, которые тоже тогда были мелочью.)

Не знаю, цел ли тот двухэтажный дом, обитаем ли. Говорят, большинство дач под Кызылом брошены, растащены. Да, воруют страшно, и не только воруют, а грабят, жгут, вынуждают владельцев выселяться. На дачах разрешена прописка, и на многих устроились переселенцы из

районов – в основном безработные. Они-то и являются реальными хозяевами бывших садовых товариществ.

Правда, это беда не только Кызыла – бросают дачи и абаканцы, и минусинцы: нет возможности бороться с воровством, нет смысла строиться, работать на земле, выращивать что-то, зная, что в любой момент выросшее соберут чужие, жилища осквернят...

Одно из самых светлых воспоминаний о жизни в Туве – поездки на рыбалку, за грибами, ягодами, да и за ковылем тоже, хотя тогда рвать его я ненавидел.

Когда мы с сестрой Катей были маленькие, родители чаще всего оставляли нас с бабушкой и привозили гостинцы «от зайчика», «белочки», а потом стали брать с собой. Бывало, ехали в лес на нескольких машинах – родня, приятели. Я любил искать грибы вместе с бабушкой Валентиной Мартемьяновной. Она, полная, с большим сердцем, не могла лазать по зарослям, но издалека определяла места, где наверняка есть грибы, посылала меня «поглядеть», и я чаще всего их там находил. Однажды мы наткнулись на огромный обабок, явно старый и червивый. Я для порядка хотел срезать его, но бабушка остановила: «Не трогай. Это грибной царь. Пускай стоит». И мы, оглядываясь на него, побрели дальше.

На нашем 412-м «москвиче» забирались порой туда, куда и на узике не все решались соваться. Собирали клубнику, жимолость, голубику, черемуху, гребли специальными совками бруснику, на скалах в Саянах отыскивали редкую, вкусную ягоду кызырган; уже перед зимой обдирали с веток заледеневшую облепиху.

Но набрать и привезти домой ягоду – половина дела; нужно было ее перебрать, одну сварить, другую перекрутить с сахаром. Грибы почистить, помыть, маслята замариновать, обабки пожарить, грузди, рыжики, белянки, волнушки засолить.

Рыбачили мы довольно часто. Иногда рядом с домом – там, на быстрине, клевали ельцы, попадались ленки, случалось – хариус; в заливчиках – пескари, сорожки. На закидушку, бывало, вместо ожидаемого таймешонка брала таинственная, жутковатая на вид рыбка – широколобка. Небольшая, вся в каких-то наростах, шишках, с огромной по сравнению с туловищем головой. Если ее ловили взрослые, то, брезгливо сняв с крючка, бросали обратно в воду, а если пацаны, то убивали жестоко – растирали камнями в жижу. Говорили, что широколобки страшно ядовиты и их можно есть, только сварив в перце. Считалось, что эти рыбки засоряют реку.

Недавно я узнал, что они живут только в очень чистой воде, поэтому, видимо, и попадались вдалеке от берега. После того как Саяно-Шушенское водохранилище наполнилось и Енисей в районе Кызыла, несмотря на течение, стал грязнее, широколобки, говорят, почти перестали встречаться. Да и ельцов, ленков, хариусов, тайменей заметно меньше. Зато ловятся невиданные раньше здесь подлещики, часто больные.

Вообще-то ничего не будет удивительного, если какие-то виды рыб исчезнут. Не так давно я был неприятно удивлен, узнав, что половое созревание у рыбы наступает много позже, чем у многих млекопитающих. У хариусов, например, в три года, у ленков в пять-восемь лет, у тайменей в шесть-восемь. Если реки будут по-прежнему вычищаться так же активно, как сейчас (сетями, переметами, мордами, электроудочками, легкой отравой), то вполне можно добиться, что вскоре те же ленки, хариусы, таймени, стерлядки окажутся в Черной книге. Но в 80-х, начале 90-х рыбы в Енисее и его притоках было немало. Где-то лучше брал окунь, где-то ленок, где-то бешено, только закидывай, шел на червя пескарь, удивительно вкусный, когда пожаришь его на сковородке до золотистой корочки...

Из детства ярко, до озноба отчетливо запомнилось, как мы сидим семьей на песочке на правом берегу Енисея. Тенек от тальника, на скатерке еда, газировка. Отец установил закидушки с колокольчиками. И вот один колокольчик начинает бешено звенеть, толстая зеленая леска стрижет воду... Сейчас отец вытаскивает большого, с розовой чешуей, сильного и нежного ленка.

Особенно нравились мне поездки (правда, немного их было) за хариусом. Это даже и не совсем рыбалка – больше охота.

Маленькая, узенькая, но быстрая речка в горах. Мы подбираемся к ней тихо, осторожно налаживаем удочки без поплавков и грузил. Лишь на конце лески мушка – крючок с намотанными на него волосинками. На первый взгляд, изготавливать мушки проще простого, они все одинаковые, но есть те, на которые хариус не обращает никакого внимания, зато другие хватается с жадностью... И вот бросаешь мушку на течение; она скачет по воде, как живая. Иногда может скакать час, а хариусы (их черные спины хорошо видно в прозрачной мелкой воде) стоят и словно не замечают ее. Но вот наступает время питаться, и они пулей кидаются на приманку. Бывает, подгадаешь так, что кидаются сразу и идут один за одним. Но хватают всегда неожиданно – из воды молниеносно выскакивает морда с открытым ртом и с добычей-обманкой скрывается обратно. Теперь главная задача – не запутать леску в ветвях окружающих берега деревьев, когда подносишь бьющегося хариуса к себе. Снимаешь его с крючка, и сердце бьется в груди, руки дрожат, будто поймал не рыбу, а ценного пушного зверька.

Хариус и ленок считаются самыми чистыми рыбами верхнего Енисея. Их едят обычно слабосолеными, иногда прямо во время рыбалки – почистят, выпотрошат, посыпят солью, и – готово. Некоторые любят хариуса с душиком – специально дают ему слегка (бывает, и не слегка, а так, что рядом находиться невозможно) подтухнуть.

...Очень редко теперь я рыбачу на реках. У родителей в деревне есть пруд с карасями, но это скучноватая ловля, как и сам карась – скучноватая рыба. Хариусов, ленков покупаю на рынке в Минусинске. И когда за ужином едим эту покупную рыбу, с грустью, но грустью сладковатой, вспоминаем наши давние рыбалки, порой забавные случаи – например, как приехали на речку Элегест большой компанией, мама забросила первой и тут же вытащила крупного хариуса, а потом, сколько ни бросали, ни меняли снасти, ни у кого ничего не поймалось. Вспоминаем поездки по Туве, поля, красные от клубники, голубые от ягод кусты жимолости, ведра напоминающей икру брусники, грибы в кадках... Тянет в Туву.

Родители живут недалеко от нее – каких-то триста с небольшим километров, но вряд ли в нее еще попадут: страшно увидеть дорогие места, потерянные, ставшие чужими. Страшно возвращаться туда, где прошла жизнь.

Я бываю в Туве хоть и почти каждый год, но коротко. Чаще сначала в московской квартире, а теперь в екатеринбургской разворачиваю карту – бумажную или в интернете – и путешествую по ней.

II Открывая

Наталья Клевалина⁷

Ду́хи и я

Тувинские записки ученицы шамана

Путешествие без багажа, думаю, это то, что должно периодически случаться с каждым человеком. Это когда едешь в никуда – без брони, трансферов и с чисто приблизительным планом действий. Разве что взять с собой карту – ну или глобус... А там – посмотрим. Главное, чтобы ботинки раньше времени не развалились. Нет ничего лучше, чтобы мигом с тебя слетела вся ненужная шелуха – с глаз, ума и души. Не знаю почему, но особенно много этого всего narosло именно в 2020 ковидный год.

– Тува? – спросила мама. – А какой план?

– Ну сперва туда. Побывать там. А потом – обратно.

– Очень конкретно, – сказала мама. – А кто у тебя там?

– Никого.

– Предусмотрительно, – съязвила мама и добавила: – Знаешь, если ты там подхватишь эту дрянь и тебя свезут в местную больничку с тараканами, я за тобой не поеду. Так и будешь там валяться. Ты у нас не Навальный.

Если вам срочно нужно осознать все ничтожество и бренность собственного я – то это к моей маме, если что, обращайтесь. Просветлитесь в полминуты.

На работе я предупредила, что примерно неделю со мной может не быть связи – потому что в тех местах с этим проблемы. Они долго удивлялись и всё спрашивали, неужели и вправду есть в мире такие места, где не ловит мобильная связь. Что с них возьмешь – все москвичи, в крайнем случае «замкадыши». Я ответила, что да, есть – и даже много.

День первый

Тува как-то странно действует на мозг: люди, которые толпой ломились на посадку в Домодедове, здесь вдруг включили резкое торможение. Я никогда не видела, чтобы от трапа до здания аэропорта люди шли таким вот задумчиво-расслабленным шагом – наверное, чуть тронутые солнцем далекие горы на горизонте и прозрачность воздуха так действовали.

На выходе из здания аэропорта, с правой стороны, в палисаднике, засаженном пыльными бархатцами, стоял бюстовый памятник. Как гласила надпись – первому летчику республики. То ли дело было в бархатцах, то ли в обнесенном высоким бортиком палисаднике, но памятник почему-то рождал мысль о том, что выдающийся местный уроженец похоронен прямо здесь.

Поскольку я точно решила провести первый день в Кызыле, потому что бог знает как сложится все дальше и, может быть, больше я сюда и не попаду, я кинула рюкзак в одном из отелей – «Монгулеке». Более пустой гостиницы я не видела за всю жизнь. Город был полон

---

⁷ Наталья Клевалина (род. в 1979 г. в Москве) – журналист, писатель. Около восьми лет проработала культурным обозревателем в Москве. Жила в Японии, США. Работает координатором фотодокументальных выставок в культурном центре. Писала статьи для журналов, в их числе «ГЕО», «Вокруг света», «STORY», «Караван историй», «Атмосфера», «Гала-биография». Автор книг «Убийственная осень» и «Йован Попович-Липовац: воин, поэт, ученый».

закрытых магазинов – видимо, последствия коронавирусного кризиса. Не успела я умыться, как позвонил дедушка-сэнсэй, а вскоре и явился сам:

– О, ты уже тут, как хорошо! – и с крейсерской скоростью повлек меня по городу.

Дорогой дедушка думал вслух, куда бы нам лучше податься, чтобы «попросить силы» для человека вроде меня. Проходя по какой-то улочке, сэнсэй вдруг воскликнул:

– О! Хочешь, я покажу тебе тут одного старого шамана? Он тут рядом живет, я его хорошо знаю.

– Сэнсэй, девять утра на дворе, – напомнила я, – вы уверены, что он... э-э-э, ну, в общем, будет рад нас видеть?

– Пойдем-пойдем! – Видно было, что эта мысль уже захватила сэнсэя. – Ты таких старых уже не увидишь!

Я тактично промолчала о том, что сэнсэй уже тоже не очень мальчик.

Может, вас удивит, что, будучи на тувинской земле, я не называю его, как и положено здесь, «башкы» – учитель, но автору этих строк, прожившему долгое время в Японии, «сэнсэй» как-то привычнее. Я до сих пор при знакомстве имею привычку кланяться и опасаюсь, что она меня уже не покинет. О том, как мы вообще с сэнсэем встретились, тут писать не стану. Сэнсэй не приходит тогда, когда ты хочешь, чтобы он пришел, но он всегда приходит вовремя – это знают и в Японии, и в Туве. Просто, когда время наступает, случается ряд совпадений, за который, я думаю, отвечают где-то там, и сэнсэй встречается со своим будущим кохаем. Опять-таки простите меня за все эти японизмы.

Мы углубились в частный сектор. По пути сэнсэй рассказал мне, что надясь тот шаман заболел и уже было собрался помирать, но коллеги его отговорили.

– Сэнсэй, – тщетно воззвала я, – а вы уверены, что прямо сейчас надо идти туда? Девять утра, пожилой, не слишком здоровый человек... Что, если он рассердится?

– Ничего ему не сделается. – И сэнсэй уверенно вел меня дальше какими-то пыльными тропками в самое сердце темных избушек. – Ну рассердится, что с того? – И сэнсэй рассказал, что у того дедушки нету мобильного и позвонить предупредить не выйдет, потому что стоит ему взять в руки любой мобильник, как тот ломается, причем безвозвратно.

– А если стационарный телефон поставить? То же самое будет? – задумчиво спросила я.

– Какие тут стационарные телефоны! Ты, если что, не давай ему телефон в руки, покажи из своих. А то без телефона останешься.

Я всерьез задумалась, что если означенный дедушка такое делает с телефонами, то что может сделать с нами, разбуди мы его в неподходящее время... У шаманов ведь ненормированный рабочий день, и кто знает, может, он вообще только спать лег.

Между тем показались ворота, перед которыми на очень занятых столбиках была натянута веревка с голубыми ленточками, так что сразу было видно, кто тут живет. Жаль, я не догадалась сфотографировать эту «гирлянду».

Протасив меня через двор, сэнсэй застучал в дощатую дверь. На зов выглянул паренек и сообщил, что старый шаман давно уехал куда-то на поминки.

– Ага, а куда? – принялся расспрашивать сэнсэй. Он заявил, что это будет для меня очень познавательно – посмотреть, как работает шаман на поминках. Однако же выяснилось, что это далековато, к тому же, подумав, сэнсэй решил, что для меня начать с поминок – это плохая тема.

– Ладно, раз так, пойдем, я покажу тебе, где он работает. – И сэнсэй повел меня через огород к одноэтажной кирпичной постройке, стоящей на отшибе.

– Сэнсэй... а может... ну, может, нам подождать, когда он придет, а?

– Зачем? – пожал плечами сэнсэй. – Я знаю, где ключи лежат. Это очень интересно. Ты же хотела в музей? Там как музей!

Замечательное место, подумалось мне, можно держать ключи засунутыми под крыльцо. Я высказала это вслух, но сэнсэй только посмеялся:

– Да тут тащат все, что плохо лежит! Просто к нему-то точно никто не полезет.

Изнутри пристройка являла собою смесь районной амбулатории с избушкой бабушки-яги. Застеленная синей клеенкой кушетка соседствовала с целым шаманским «иконостасом» на стенах. Все вещи выглядели так, точно им и впрямь было не меньше сотни лет. Сэнсэй принялся объяснять, для чего нужно то или это. Не помню, чтобы мне довелось прослушать более увлекательную экскурсию. Но в ее разгаре обитая ватином дверь распахнулась и на пороге возник старый шаман собственной персоной.

Он оказался небольшого росточка сухоньким дедушкой с палочкой. Однако взгляд силой в двести лошадиных сил говорил о том, что непростой совсем это дедушка. Старый шаман зажег веточку можжевельника в металлической плошке. Мне жестом было указано на медицинскую кушетку, а сэнсэй уселся на стул для посетителей. Старый шаман одобрительно заметил, что ему по душе такие сознательные граждане – вот же в масках пришли. Я ответила, что мы в Москве научены.

Потом приятели-сэнсэи повели по-тувински разговор о том и о сем. Изредка старый шаман бросал на меня строгие взгляды поверх маски, от которых мне было не слишком уютно и все больше приходила в голову мысль, что тут всё наоборот: это не мне показывают старого мастера, а ему – меня. Наконец они обсудили все новости, и тут старый шаман вдруг категорически заявил мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.